

В историческом пространстве хватит места для всех...

Дискуссия по книге А. И. Солженицына «Двести лет вместе»

Из фонда МБУК «ЦБС» г. Батайск

Материалы приведены для информационного ознакомления

10 июля 2001 года в Фонде «Русское зарубежье» прошло обсуждение книги А. И. Солженицына «Двести лет вместе», вышедшей в этом году в издательстве «Русский путь» (Часть I — «В дореволюционной России»). В нем приняли участие видные ученые, философы, писатели России и русского зарубежья.

Открыл и вел обсуждение генеральный директор издательства «Русский путь» В. А. Москвин.

Предлагаем вниманию читателей основные выступления участников, подготовленные к печати коллективом издательства «Русский путь».

Н. Д. Солженицына, редактор книги «Двести лет вместе»

В качестве редактора я приняла участие в работе над книгой на самом последнем этапе, при подготовке её к печати. Однако по обстоятельствам жизни я была свидетелем того, как эта работа начиналась и как она длилась.

В 1990 году Александр Исаевич закончил «Красное колесо»; этот труд длился несколько десятилетий и сопровождался сбором колоссального материала. Собранный материал покрывал время от середины русского XIX века до 30-х годов XX, а по широте охвата его даже трудно описать. По мере поступления материала Александр Исаевич организовывал его в картотеку, огромную картотеку, которая насчитывала много сотен названий, а физически представляла собой конверты самых разных размеров, папочки, папки. По мере использования содержимое конвертов и папочек таяло — однако, когда «Красное колесо» было завершено, достаточное число их всё ещё оставалось пухлыми. Александр Исаевич обзрел всё оставшееся и обнаружил, что существует целый ряд отростков, отвилков от «Красного колеса» тематических, которые очень жаль было бы просто покинуть. Материал этот притекал спонтанно, в процессе изучения революции и соответственно тому замыслу, который в полноте не осуществился. В частности, остался неиспользованным первоклассный материал о Тамбовском крестьянском восстании, о гражданской войне, о военном коммунизме. И конечно, очень много материала по еврейскому вопросу и вообще о жизни евреев в России. Этого материала так много потому, что еврейский вопрос был тогда — в отличие от нынешнего времени и уж тем более от времени советского — публичным, открытым, обсуждался горячо, на всех уровнях. В Думе этот вопрос звучал постоянно, в прессе самых разных направлений он также освещался — и всё это притекало вместе, переплетённым, неразделённым с материалом, нужным для «Красного колеса». И Александр Исаевич попытался внести еврейский вопрос в «Красное колесо»; те, кто читал, может быть, помнят инженера Архангородского или, ещё более симптоматично, линию Сусанны Корзнер и её круга (эти главы есть и в «Октябре Шестнадцатого», и в «Марте» и «Апреле Семнадцатого») — но автор почувствовал, что введение этого материала в той полноте и объёмности, как он представлен в его картотеке, создало бы неверный переклон, создало бы впечатление, которого он сам не разделял: «вот, евреи нам сделали революцию».

И, завершив «инвентаризацию», Александр Исаевич пришёл к выводу, что этот огромный материал по еврейскому вопросу разумнее всего и приемлемее для него написать в виде исторического обзора. И тогда же, в 1990-м, он эту работу начал. Продолжал он её десять лет, с перерывами, конечно, иногда весьма существенными. В эти годы занимался он параллельно и другими работами: написал восемь двухчастных рассказов, иные из них вместили материал о Тамбовском восстании; написал и опубликовал три большие публицистические работы: в 1990-м — «Как нам обустроить Россию?», в 1994-м — «Русский вопрос к концу XX века», это последнее, что он написал в Вермонте; и в 1998-м, уже как результат четырёхгодичной жизни на родине, — «Россия в обвале». Занимался последней редакцией «Очерков изгнания», которые печатаются, с продолжениями, в «Новом мире», написал военную повесть и ряд других работ.

В 2000 году Александр Исаевич последний раз вернулся к книге «Двести лет вместе», после чего я принялась готовить её к печати. Те, кто книгу уже читал или хотя бы листал, видят, что в ней большой аппарат, больше полутора тысяч сносок. Поскольку изначально Александр Исаевич не имел в виду писать эту работу как историческую, то не отделял этот материал от общего материала для «Колеса» и не описывал его, как затем потребовалось. И потому работа по установлению точных отсылок была многотрудна: иногда для того, чтобы найти одну цитату, надо было перелистать целую книгу. Но вот работа кончена, и мы смогли представить вам первую часть. Александр Исаевич книгу завершил и больше ею не занимается, но мне предстоит теперь проделать для следующей части ту же работу по выверке и точным отсылкам всех цитат, и, хотя эта объёмная и кропотливая работа ещё впереди, я очень надеюсь, что в этом году мы представим вам следующую часть.

Александр Исаевич просил меня приветствовать и благодарить всех, кто сегодня сюда пришёл, — для него это своего рода обратная связь, которой мы были лишены в течение двадцати лет, — и особенно тех, кто принял на себя и уже исполнил труд прочтения книги. С момента её выхода прошло совсем мало времени, и потому, вероятно, те отклики, которые до сих пор прозвучали публично, были в основном не о книге, а — существует ли такой вопрос вообще? если существует — стоит ли его обсуждать? хорошо или плохо, что вопрос поднял именно Солженицын, и т. д. Всё это отражает умонастроения или, может быть, чувства тех, кто отозвался первым, — но сути дела не затрагивает. Наше сегодняшнее собрание, судя по составу участников, даёт надежду, что с этого момента мы сможем перейти к обсуждению собственно того, чему посвящена книга. Благодарю вас.

А. Д. СТЕПАНСКИЙ, доктор исторических наук

Дорогие гости! Прежде всего, я должен представиться. Я двадцать пять лет читал курс истории государственных учреждений дореволюционной России. Я профессор РГГУ. В то же время я — член академического совета еврейского культурного центра «Сефер». На ежегодных научных конференциях, которые проводит этот центр, я традиционно возглавляю секцию «История российских евреев XIX — начала XX века». Думаю, что эти анкетные данные дают мне право жительствова в данной дискуссии.

Конечно, появление книги — это грандиозное событие. Историей российских евреев кто занимался, как правило? Либо сами евреи, либо антисемиты, если можно считать их занятия занятиями. И то, что по этой теме высказывается Александр Исаевич Солженицын, — не просто огромное, но этапное событие, потому что тема эта прозвучит уже по-другому. Дело в том, что в этой книге еврейский вопрос рассматривается не сам по себе, а как некая призма, через которую отражаются коренные вопросы истории России, то, что называется проблемами политического, социально-экономического и культурного развития России. В данном случае будем говорить о XIX веке, где эти проблемы каждый раз проявляются в еврейском вопросе, проявляются очень ярко и интересно. Книга даёт огромный материал, и я думаю, что имя Александра Исаевича привлечет массы читателей, которые этой темой раньше не занимались, книга их наверняка увлечет потому, что написана, конечно, очень ярко и занимательно. Мне кажется, что книгу автор писал сознательно как дискуссионную работу. Само приглашение к диалогу на первой странице уже означает дискуссию, и она будет, конечно, стимулировать интересы дальнейшего развития этой тематики.

Но здесь я сразу же должен сделать одну оговорку. Книга основана на старой литературе — не моложе двадцати лет.

Хочу довести до сведения присутствующих и Александра Исаевича, что за последние десять–пятнадцать лет произошел гигантский всплеск, который возродил историю российского еврейства как научную дисциплину. Переиздаются старые книги. Вы ссылаетесь на старые издания Гессена, а уже есть новые — «Еврейская энциклопедия», «Воспоминания Слиозберга», вышедшие за границу, теперь уже изданы и у нас. Переиздается и западная литература. Есть такой лондонский профессор Джон Клир, автор двух блестящих книг: «Россия встречает своих евреев», об Александре I, и «Евреи в царствование Александра II», а между этими книгами есть еще не переведенная книга американского историка Станиславского «Евреи в царствование Николая I».

Кстати, обращаю внимание всех, что несколько лет тому назад вышел библиографический указатель литературы по истории российского еврейства на русском языке. Книга эта уже давно разошлась.

В Москве есть еврейский университет, есть академия «Маймонида». Центр «Сефер» ежегодно проводит конференции, труды этих конференций издаются регулярно. Мне известны по крайней мере две докторские диссертации по данной тематике. В прошлом году была защищена в качестве докторской диссертации монография ректора еврейского университета в Петербурге Дмитрия Эльяшевича «Правительственная политика и еврейская печать в России» этого же периода, где есть совершенно новые вещи, где автор показывает, что проблема цензуры еврейской книги играла не меньшую роль, чем черта оседлости и процентная норма. Этой темой раньше не занимались. Можно упомянуть и массу других работ. Поэтому тут получается диалог у Александра Исаевича с его сверстниками. Мы более молодые, мы просим и жаждем, чтобы Александр Исаевич прочитал их.

Я хочу обозначить несколько тем, общих проблем, которые сейчас активно обсуждаются теми, кто этой тематикой занимается. Первая и изначальная проблема, которая, в сущности, проходит через всю книгу, — проблема интеграции евреев в российское общество. Объективно это очень сложная проблема.

Далее проблема, которую я считаю центральной проблемой истории российского еврейства, — это роль евреев в модернизации России. Раньше говорили «капитализм», теперь модное слово «модернизация». Вклад евреев оказался очень существенным: они пригодились. Тут евреи тысячи лет были в загоне, их выдворили в непрестижные сферы, в финансы, в банки (некоторые религии считают выдачу денег под проценты, займы грехом), а теперь выясняется, что никакая экономика не может существовать без кредитов, без инвестиций и т. д. Появление русско-еврейской культуры, участие евреев в русской культуре сыграли очень важную роль.

И наконец, последнее, о чем бы мне хотелось сказать. Я лично занимаюсь проблемой, которую я обозначил как история русскоязычного еврейства. Двести лет назад евреи, говорящие по-русски, были редкостью в России. Теперь такая же редкость — евреи, говорящие по-еврейски.

И. Б. Чубайс, директор Центра по изучению России университета Дружбы народов, доктор философских наук

Я благодарен за это приглашение, за возможность участвовать в обсуждении книги.

Я с огромным уважением отношусь к Александру Исаевичу Солженицыну, к его нравственной и моральной позиции. Прекрасно понимаю: когда я ходил в пионерах, Александр Исаевич отсиживал в лагерях. Он всегда был принципиален, он всегда был честен, всегда говорил то, что думал.

Мне очень приятно, как профессиональному россиеведу, что выход книги стал у нас событием. Этого не было несколько лет. У нас совершенно чудовищное, разрушающее культурные ценности телевидение, неважно и с прессой. И вот сегодня мы все видим, что выход книги — теоретической, сложной, научной — стал культурным событием. Люди читают, что им интересно. Небольшая брошюра Александра Исаевича в мягкой обложке лет десять назад вышла тиражом десять тысяч экземпляров и не распродавалась несколько лет. Я ее покупал года через два после выхода, и мне было обидно, что книга Нобелевского лауреата еще не разошлась.

Сейчас я слышу, что книга тиражом пятнадцать тысяч уже разошлась, уже раскуплена, видимо, будет дополнительный тираж. Все это приятно, и хочется об этом сказать, но, как говорит Библия, не сотвори себе кумира. И многие величайшие российские умы создавали величайшие труды, величайшие работы, которые цитируются через столетия, но тем не менее были у них и неудачи. так было у очень многих, они подвергались критике при жизни, и возникала полемика.

Мне бы хотелось кратко сказать о том, что, на мой взгляд (я, естественно, буду высказывать свое мнение), является достоинством книги, и более подробно сказать о том, с чем не согласен.

Это, конечно, очень объемная работа, глубокое исследование, использовано большое количество документов и т. д. Речь идет о важном вопросе, по которому, на мой взгляд, недостаточно исследований. Предыдущий коллега говорил о том, что работ по обсуждаемой теме много. На мой взгляд, их не хватает.

Тем не менее, я вижу в работе ряд недостатков, и я бы хотел об этом сказать.

Что неудачно в этой книге?

Может быть, мой негативизм связан с тем, что на самом деле я получил книгу перед самым отъездом на Международную политологическую школу в Форос, и, когда все там отдыхали, я, как раб, прикованный к галере, читал свои лекции, а потом еще занимался изучением книги. Может быть, подсознательно это как-то повлияло.

Но если говорить всерьез, то возникают вопросы о жанре и форме. Вообще, Александр Исаевич — редкий автор, который сочетает и художественный стиль, и научную глубину. Если вспомнить «Архипелаг Гулаг», то это блестящая работа, соединившая текст, документы и художественную форму. В данном случае такого органичного соединения, на мой взгляд, не произошло, текст суховат, он перегружен. Есть немало страниц, где повторяется одна и та же мысль. Это — не талмуд, но когда десятки страниц затрагивают один и тот же вопрос, то кого это убеждает? Объем книги избыточен, ее можно было бы сделать короче.

Говоря о форме, я бы отметил такую деталь. как-то у нас не принято об этом говорить, но на самом деле существуют два типа истории, два типа исторических текстов. Если взять нашего классического историка Соловьева, то у него есть многотомный труд по истории России — это один пафос, один текст, где немало критики, и, скажем, очень небольшая работа «Общедоступные чтения по русской истории» — это совершенно другой пафос. Другой тип книги адресован широкой аудитории, такая книга написана коротко, понятно, и она очень патриотична, чрезвычайно патриотична, хотя там нет какого-то примитивизма, это все факты. Это примерно так, как может быть два типа истории семьи: когда вы отмечаете юбилей своей свадьбы, то одни слова говорите, но мы знаем, что семья — это всегда непросто, на самом деле есть и другая, не праздничная сторона семьи.

Что за форма этой книги? На мой взгляд, это очень специфическая, углубленная, научная работа, она не адресована широкой аудитории. Это, конечно, не секрет и не тайна, всякий может прочитать, но она скорее адресована узкой аудитории специалистов, и тогда она не рассчитана на широкое чтение и обсуждение.

Если говорить не о форме, а о содержании, я бы остановился также на некоторых недостатках. В книге отсутствует четкая и ясная концепция, или она присутствует в какой-то необычной форме, потому что, скажем, на ста пятидесяти страницах я прочитал сюжет о шинкарях-евреях, как они спаивали народ. Об этом написано много и очень подробно. А потом в одном абзаце говорится, что нет, не евреи и не спаивали. Какой же тогда сделать вывод? И что же автор хочет сказать? Или Наталья Дмитриевна сказала, что не евреи виновники революции. Но когда я читаю текст, то у меня иногда возникает такое впечатление, что автор именно это хочет сказать, и мне было очень странно, чтобы не сказать больше, читать страницы, где просто идет перечисление еврейских фамилий — всякие Цухисы, Дукисы, Абрамовичи и т. д. Это революционеры. Для читателя любой национальности ощущение не очень приятное. И это идет на многих страницах, а потом одной строчкой вывод — да нет, не евреи виновники революции, все сложнее. В чем тогда концепция?

На мой взгляд, в концепции много неясностей, много неточностей.

Еще пример: долго исследуется роль евреев в войне 1812 года, в войне 14-го года, и один раз цитируется фраза Николая I, который выразил удивление, что евреи поддержали Россию во время войны. Один раз цитируется одна строчка, но при этом сто страниц — совсем о другом.

На мой взгляд, плохо то, что обсуждается только половина книги, тем более что еврейство в XIX веке и евреи в XX веке — это очень разные феномены. В XIX веке действительно существовало еврейство, потому что существовал иудаизм, потому что существовал язык, потому что существовал кагал, община, то есть организационная структура, а в XX веке ничего этого нет. В XXI веке нет даже графы в паспорте. Тогда возникает вопрос: а как все это с сегодняшним днем соотносится? Ответа нет. Ведь можно писать книгу о XIX веке с позиций XXI века, а можно писать книгу о XIX веке с позиций XIX или XVIII века, это разные вещи. Мне кажется, здесь не хватает современного взгляда, поэтому чрезвычайно важно, что будет дальше, как описывается в следующей книге XX столетие.

Вообще, честно говоря, это все для меня сложные вопросы, потому что, я уже сказал, с огромным уважением относился и отношусь к Александру Исаевичу Солженицыну. Когда писал докторскую диссертацию, то мне говорили (это было пару лет назад): «зачем вы цитируете Солженицына?» Но я цитировал потому, что считаю этого автора очень важным. И поэтому мне грустно, ибо в данном тексте я увидел другого автора. Мне кажется, что если бы книга на эту тему была написана каким-то автором-евреем, она бы выглядела по-другому, и вообще, если провести контент-анализ текста, то мы неизбежно заметим определенную предвзятость, определенную тенденциозность.

Еще один, на мой взгляд, недостаток. О евреях сплошь и рядом говорится целостно: евреи и евреи. Можно говорить, конечно, о евреях, о ком угодно. Но если о евреях, то рядом должен быть соответствующий ряд: русские, поляки, разные нации. Говорят о евреях — а дальше шинкари,

евреи — а дальше банкиры, дифференциации среди евреев нет, они как бы все такие плохие. В таком контексте вообще очень сложно дать объективную оценку этому сообществу, этой социальной группе. Когда говорится о том, что главный вопрос России — это евреи наряду с крестьянским, мне тоже это кажется сверхстранным. А почему, например, не финны? Ведь финны не просто отделились благодаря Владимиру Ильичу, они еще и воевали против нас, они же блокировали Ленинград во время войны. Правда, там тоже масса нюансов, они вышли на старую границу 39-го года и дальше не сделали ни шагу. Почему все-таки евреи — главная проблема? Почему не поляки, которые тоже очень сложно себя вели в отношении России?

Много рассуждений непонятных. Говорится, к примеру, что талмудисты ограничивали евреям познание мира, они делали еврейские знания очень традиционными — только талмуд, и ничего более. И уже как-то сочувствуешь: что же им не давали учиться, это очень плохо, что они такие отсталые. На других страницах пишется, что евреи много учились, что они здорово осваивали науку. Но это тоже, по мнению автора, не очень хорошо. Или когда речь идет о процессе ассимиляции. Если евреи ассимилируются, это плохо. Но когда еврей не ассимилируется — тоже плохо. В книге описаны различные ограничения для евреев, но эти ограничения воспринимаются чуть ли не как благо, чуть ли не как льготы, и лишь когда доходит до погромов, здесь трудно интерпретировать иначе, и тогда начинается спор. В еврейской энциклопедии написано, что три человека погибли, но ведь на самом-то деле только один. Но разве это предмет спора? Разве в этом проблема, сколько погибло — один или три?

Могу сказать и о неточностях. Говорится о том, что освоение Новороссии — это некая льгота для евреев, только евреям разрешили осваивать Новороссию. На самом деле никто из коренных жителей ее вообще не осваивал. Это был оригинальный ход Екатерины, который можно повторить сегодня. в Новороссию пригласили всех православных со всего мира, со всей Европы, из Турции — пожалуйста, приезжайте и осваивайте, а мы уже работаем, мы устроены, и у нас есть свои дела. И только евреям предложили сниматься и ехать в Новороссию. Но я не вижу в этом какой-то льготы, скорее наоборот.

Наконец, еще такое уточнение: постоянно говорится о евреях. На самом деле в России, вообще, строго говоря, не было национального деления, а было деление по вероисповеданию. Это совершенно другое, и в паспорте была графа не «Национальность», а «Вероисповедание». Поэтому важно не то, какой ты национальности, а важно, какого ты вероисповедания. Еврейский выкrest был таким же православным и имел такие же права, как и все другие православные. Поэтому вообще в России была проблема не в крови, не в биологии, а в вере, в разных типах веры. И это тоже меняет акценты.

Наконец, вернусь к началу книги. Еврей-шинкари — звучит на многих страницах, евреи спаивали, евреи зарабатывали на производстве спиртного. Но ведь цепь гораздо шире. Были крестьяне, которые потребляли спиртное, были еврей-шинкари, которые производили спиртное, были помещики в черте оседлости, которые нанимали евреев, и была государственная власть, которая все это укрепляла. Этот процесс гораздо шире и сложнее, и поэтому стоило ввести госмонополию на производство спиртного в конце XIX века, как проблема была решена. Но в тексте все время говорится только об одном звене в этой цепи — о евреях. Добавлю, что производство спиртного на душу населения (есть такой статистический показатель) в 1913 году составляло четыре литра на душу, на человека, в год, а сейчас двенадцать литров на человека в год. Так кто кого спаивал и когда? Если обратиться к сегодняшним событиям, сколько статей по поводу ввоза радиоактивных отходов и т. д., но ведь от радиоактивных отходов никто не умер, а самое большое количество жертв — пятьдесят тысяч человек — погибают у нас ежегодно от фальшивой водки. А водка XIX века составила славу нашу, причем она производилась не только за чертой оседлости, но и вне черты оседлости, русские целовальники делали то же самое, уровень потребления был одним и тем же...

Последнее, что я хочу сказать, — по поводу евреев и революции. Вообще, сначала были не евреи, а сначала было слово, или логос. Сначала была идея, и проблема начинается тогда, когда фундаментальные ценности и идеи рушатся. Конец XIX и начало XX века — это период, когда вся Европа переживала идейный, идентификационный кризис, это происходило всюду. Ницше и Вагнер сообщили о «гибели богов». Достоевский сообщил: если Бога нет, то все дозволено. Религиозный, христианский кризис и породил потрясение. Россия могла идти либо путем реформации и модернизации, либо путем революции. Произошла революция, то есть социально-временной разрыв, переход к совершенно другому государству. Это гораздо более глубокая проблема, чем проблема одной этнической общности.

И самое последнее. Нация почти всюду в мире понимается не как биологический феномен, не как производное от крови — это этнос, — а как образование культурное, как общность языка и согражданство. В этом смысле все здесь присутствующие, да и отсутствующие, принадлежат к одной нации — мы россияне. При этом российская нация одна из самых полиэтнических, как и американская. Или, как писали у нас еще в начале века, россияне — нация многонародная.

Л. И. Сараскина, доктор филологических наук

Моё право участвовать в сегодняшней дискуссии обусловлено тем, что, как историку литературы XIX века, мне знакома проблема русско-еврейских отношений в русской литературе на примере творчества Ф. М. Достоевского. Хотя те его произведения, в которых затронута данная проблема, написаны сто тридцать — сто сорок лет назад, её научное и публицистическое обсуждение почти всегда, в любой аудитории и на любой научной площадке, проходит столь же болезненно и столь же бурно, как если бы они были написаны только что. Так что говорить о новой книге Солженицына мне отчасти поможет запас впечатлений, связанный с Достоевским; и в этом смысле чрезвычайно важно, что обсуждение начинается уже с первого тома книги, содержащего исторический анализ событий предреволюционного столетия.

За несколько недель, прошедших со дня выхода книги, мне пришлось услышать два коротких, но диаметрально противоположных радиоанонса: «новая книга Солженицына рассказывает о дружбе двух великих народов России — русских и евреев»; «новая книга Солженицына посвящена вражде двух великих народов, чьё соседство сложилось исторически». Каждый слышит, что хочет услышать. Каждый стремится, чтобы его уже сложившаяся точка зрения обрела новое подтверждение. И мне кажется, что, помимо русско-еврейского вопроса, помимо еврейского вопроса и русского вопроса, существующих самостоятельно, всякий раз имеет место также и вопрос психологической установки, то есть проблема читателя. Читателя Солженицына, читателя Достоевского.

«Поднять такой величины вопрос, как положение еврея в России и о положении России, имеющей в числе сынов своих три миллиона евреев, я не в силах. Вопрос этот не в моих размерах», — писал Достоевский. Иные его читатели — современные ему и последующие — ни за что не хотели признать, что Достоевского действительно интересовали две стороны проблемы, равно как ни за что не хотели верить словам Достоевского, что в сердце своём ненависти к евреям как к народу у него «не было никогда». Мне кажется даже, если бы каким-то неопровержимым образом некоей главной духовной властью решилось бы, что Достоевскому надлежит верить, многие были бы разочарованы: слишком соблазнительно лепить клеймо антисемита великому русскому писателю. «Всё, что требует гуманность и справедливость, всё, что требует человечность и христианский закон, — всё это должно было быть сделано для евреев», — писал Достоевский задолго до того, как это было в России реально сделано; и те, кто хотел видеть в нём антисемита, старался никогда не замечать этих слов.

Существует странная интеллектуальная традиция: трактовать апостольское: «...нет ни Эллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всём Христос» (Кол. 3, 11) — не как равенство всех людей перед Богом, а как этический запрет признать тот факт, что эллины, иудеи, варвары и скифы — суть разные народы, с разными судьбами перед лицом истории. Так и Солженицыну — в намерении записать его в антисемиты — почему-то ставят в вину, что он посмел заметить национальность убийцы Столыпина Богрова; по этим же диким правилам «хорошего тона» (ленинского? советского?) не возбраняется рассуждать, например, о количестве немецкой крови в жилах русских государей.

Национальные различия, вопреки многим расчётам, не только не стёрлись в новые времена, но почти повсеместно выступили острее. Мы все стали свидетелями того, как распался последний советский интернационал — «новая историческая общность — советский народ». На пороге третьего тысячелетия весь мир столкнулся с резким всплеском национальных и националистических движений; стремлением к национальному обособлению (и это на фоне нового глобализма!) болеет, кажется, весь мир.

«Я призываю обе стороны — и русскую, и еврейскую — к терпеливому взаимопониманию и признанию своей доли греха... Искренне стараюсь понять обе стороны... (здесь и далее выделено мной. — Л. С.). Надеюсь найти доброжелательных собеседников и в евреях, и в русских», — пишет Солженицын, и такая авторская установка не может не вызывать уважения. Как не может не вызывать уважения и сама решимость Солженицына взяться за опаснейшую — самую больную и самую опасную — тему русской исторической публицистики. «Я не терял надежды, что

найдётся прежде меня автор, кто объёмно и равномерно, обоесторонне осветит нам этот калёный клин...» Пережив и написав «Красное колесо», испытав и исследовав ГУЛАГ, Солженицын уже не мог бы, вслед за Достоевским, повторить, что «вопрос этот не в его размерах».

Не сомневаюсь, частью ловкой «направленческой» критики эта решимость всё равно будет названа «несвоевременной», а призыв к обеим сторонам всё равно будет воспринят как односторонний; ревнивое отстаивание своих уже сложившихся взглядов — несмотря ни на какие аргументы — будет, к сожалению, характерно для значительной части рецензентов-интерпретаторов. Но Солженицын вполне предвиденно относится к подобной реакции. «Дивная особенность либеральной общественности! Кажется: равная полная свобода для всех — и высказываться, и узнавать чужие мысли. А на самом деле нет: свобода узнавать только то, что помогает нашему ветру. Мысли встречные, неприятные — не слышатся, не воспринимаются, с невидимой ловкостью исключаются, как будто и сказаны не были, хотя сказаны». Это — из «Красного колеса».

Смею высказать свою точку зрения на то, как освещена русско-еврейская проблема у Солженицына. И на то, что мне лично более всего дорого в этом труде. Не случайно книга «Двести лет вместе» продолжает центральные исторические линии «Красного колеса» и фактически выросла из эпопеи о революции. Ось русско-еврейского вопроса, как показывает Солженицын, находится в плоскости отношений всех народов России к российской государственности. Поразительным образом эта тема выходит на первый план и сегодня.

Вот, например, как выглядит настрой прогрессивной (то есть левой) столичной интеллигенции в 1914 году. «Русская история может вызывать только смех и отвращение, да есть ли она вообще, была ли?»; «стыдно было быть русским»; «нет никакой родины; отечество есть реакционная выдумка»; «патриотизм — повальная эпидемия глупости, иезуитское понятие»; «для всего русского общества честный — это враг правительства и властей». «А вы не боитесь, что коллеги вас обзовут патриотами?» — спрашивали тех недалёких, кто всё-таки шёл на войну, ибо «теперь надо было защищать это чёртово отечество». Слово «патриот» в канун Первой мировой значило только «черносотенец», и ничего больше. «Царизм был разбит, — пишет Солженицын, — когда в русской литературе установилось, что вывести образ жандарма или городского хотя бы с долей симпатии — есть черносотенное подхалимство».

Россия гибла оттого, что верхушка образованного общества боялась прослыть непрогрессивной. Богатые люди сотни тысяч рублей жертвовали на революцию; лёгкое касание к революции и большие симпатии к ней считались обязательными для всякого порядочного человека в России. Девушки-студентки, замороженные террором, шли в революцию; а к властям «устоялась такая накалённая непримиримость, что иные интеллигенты даже в симфоническом концерте хлопали креслами и уходили, если в свою ложу вошёл губернатор». Всякая телеграмма сочувствия пострадавшим от террора должностным лицам вызывала либеральное негодование, и тот, кто не одобрял теракты, сам воспринимался как каратель.

Всё русское общество десятилетиями имело антинациональный характер и было непримиримо к государству. Сказать о государственном строе «вонючая монархия» было среди прогрессивной интеллигенции хорошим тоном. В обществе считалось, что террористы творят народное дело, и думские деятели то и дело требовали амнистии террористам и цареубийцам, сами отказываясь вынести моральное осуждение террору. Именно в таком идейном контексте происходит январский теракт Богрова, названный «венцом русского террора». Про самого же убийцу сказано: «Как и все гимназисты того времени, он жадно вживался в либеральные и революционные учения. Постоянное сочувствие к революции и ненависть к реакции густилась в нём, как и во всей русской учащейся молодёжи... Мальчик до слёз отчаяния отстаивает путь не только революционного изменения строя, но полного уничтожения основ государственного порядка».

Позорнейший факт: киевская еврейская молодёжь носит траур по Богрову, убийце Столыпина. Казалось бы: неотразимый аргумент для антисемита. Убили государственного деятеля, который настойчиво, открыто декларировал русские национальные интересы, русское представительство в Думе. Который создал режиму «ненормальную» устойчивость и не стыдился всеми обруганного слова «патриот». Однако на каком общественном фоне был возможен публичный траур по террористу? Только на фоне постыдной снисходительности властей к остальным (русским!!!) виновникам убийства Столыпина, на фоне тотального предательства всей жизни его. Солженицын показывает, как почти вся российская публичность и печатность открыто

насмехалась над памятью Столыпина, как всеобщая жажда прослыть левыми и либеральными охватила и дворянство, в общем злобном хоре клеймившее «проклятый режим».

Русская жизнь, как и русская трагедия, сочинялись прежде всего русскими людьми; сама судьба России уплывала из рук её правителей и на глазах её ошеломлённого и ошельмованного народа. Это самый драматический вывод, который можно сделать, прочитав «Красное колесо» и «Двести лет вместе».

Один из персонажей «Красного колеса», русский генерал, на которого в генеральном штабе и в военном министерстве косо смотрят по причине его абсолютной преданности армии и монархии (такие взгляды неприличны! не приняты!), ставит точный диагноз русской болезни: «Не от войны мы в катастрофе. Не от потерь и не от дурного снабжения. Мы в катастрофе оттого, что уже завоёваны левым духом! Прежде всякой этой войны страна уже была расшатана языками и бомбами. Давно стало опасно мешать революции и безопасно ей помогать. Отрицатели всех русских начал, орда революционная, саранча из бездны! — ругательствуют, богохульствуют — и никто не смеет им возражать... Патенты на честность раздают левые... И мы — тоже немеем перед левыми, русоненавистническими фразами, так они признаны естественно современными... Три клейма, три заразы подчинили нас всех: спорить с левыми — черносотенство, спорить с молодёжью — охранительство, спорить с евреями — антисемитизм. И так вынуждают не только без борьбы, но даже без спора, без возражений отдать Россию... Это — смертельная болезнь: помутнение национального духа... Появилась кучка пляшущих рожистых бесов — и взбаламутила всю Россию. Тут есть какой-то мировой процесс. Это — не просто политический поворот, это космическое завихрение. Эта нечисть, может быть, только начинает с России, а наслана на весь мир? Достоевскому довелось быть у первых лет этого наслания — и он сразу его понял, нас предупредил. Но мы не вняли. А теперь — уже почву рвут у нас из-под ног».

Очевидно: центральный вопрос русско-еврейских отношений находится, по Солженицыну, не в плоскости крови, а в плоскости почвы, в плоскости отношения всех граждан России к своему Отечеству. Если государство «подходит» гражданину по слабости и аморфности, по удобству и выгоде ловить рыбку в мутной воде — это один поворот. Если государство «подходит» ему сильным, сознающим и отстаивающим свои национальные интересы — это другой поворот. Кто выиграет (и кто проиграет?), если Россия будет сильным государством, в котором правят закон и порядок?

В «Августе Четырнадцатого» есть поучительнейшая сцена. Ростовский инженер Илья Исакович Архангородский принял участие в патриотической манифестации ростовских евреев. Хоральная синагога была убрана трёхцветными флагами и портретом царя, на богослужении молились о победе русского оружия, пели «Боже, царя храни!», потом тысяч двадцать евреев с плакатами «Да здравствует великая, единая Россия!» шли по улицам, митинговали у памятника Александру II, и была послана всеподданнейшая телеграмма царю.

Радикально настроенные дети Архангородского намереваются «принципиально и воспитательно» проработать отца в связи с «так называемой патриотической акцией». Мудрый Илья Исакович пытается объясниться. «Пути истории — сложнее, чем вам хочется руки приложить. Страна, где ты живёшь, попала в беду. Так что правильно: пропадай, чёрт с тобой? Или: я тоже хочу тебе помочь, я — твой? Живя в этой стране, надо для себя решить однажды и уже придерживаться: ты действительно ей принадлежишь душой? Или нет? Если нет — можно её разваливать, можно из неё уехать, не имеет разницы... Но если да — надо включиться в терпеливый процесс истории: работать, убеждать и понемножечку сдвигать...» Распалённая «позорным» поступком отца, Соня Архангородская, его дочь, кричит: «Какую Россию ты поддерживаешь в “бедё”? Какую ты Россию собираешься строить?.. Патриотизм? В этой стране — патриотизм? Он сразу становится погромщиной!.. Чёрной сотне ты кланяться ходил, а не родине!» И оставалось Илье Исаковичу только горестно заключить: «С этой стороны — чёрная сотня! С этой стороны — красная сотня! А посредине... десяток работников хотят пробиться — нельзя... Раздавят, расплющат!»

И вот ещё один спор. Два русских офицера — на страницах «Октября Шестнадцатого» — размышляют о призыве на войну евреев и неевреев: если евреи лишены какой-то части российских прав, нельзя с них спрашивать и полной любви к России. И не оскорбительно допустить, что многие больше сочувствуют Германии, где пользуются всеми правами. «Какой же выход? Кому же начинать?» — спрашивает первый. «Что ты так заботишься, кому начинать? Хоть бы и никому... Почему они во всех штабах засели, это справедливо? Это — не обидно? Говорю тебе: ты

ещё глупой, с ними не жил, не знаешь. Это народ такой особенный, сцепленный, пролазчивый. Это не зря, что они Христа распяли».

В этой точке спор неожиданно достигает высочайшего напряжения. «А думаешь — мы бы не распяли? Если б Он не из Назарета, а из Суздаля пришёл, к нам первым, — мы б, русские, Его не распяли?.. Да любой народ отверг бы и предал Его! — понимаешь? Любой! Это — в замысле. Невместимо это никому: пришёл — и прямо говорит, что он — от Бога, что он — сын Божий и принёс нам Божью волю! Кто это перенесёт? Как не побить? Как не распять? И за меньшее побивали. Нестерпимо человечеству принять откровение прямо от Бога. Надо ему долго ползти и тыкаться, чтобы — из своего опыта будто».

Офицер, сказавший эти слова, — подпоручик Саня Лаженицын, персонаж, чьим биографическим прототипом является отец Солженицына. Своему отцу автор доверяет выразить самые сокровенные мысли на самую сокровенную, самую раскалённую тему. И добиться моральной победы над оппонентом — в обыденной жизни непробиваемым. Разве это не убедительное доказательство глубинно христианского понимания Солженицыным русско-еврейского вопроса? Разве евангельское — «нет различия между Иудеем и Эллином, потому что один Господь у всех» (Рим. 10, 12) — не торжествует на страницах солженицынской эпопеи?

Труднее всего прочерчивать среднюю линию общественного развития и общественного поведения. Об этом много раз было сказано и написано Солженицыным. Средняя линия требует самого твёрдого мужества, самого расчётливого терпения, самого точного знания. В чём же эта линия — применительно к нашей дискуссии? Снова обращаюсь к «Красному колесу». «Апрель Семнадцатого». В интеллигентном еврейском доме собрались знакомые, чтобы обсудить события, сотрясающие Россию. Должны ли русские евреи во времена великой смуты быть заодно с теми, кто рвёт и терзает Россию — страну проживания?

«Если российская смута разыграется — мы же, евреи, больше всех и пострадаем», — полагает один из гостей. Ему возражают: ход истории — к безграничной свободе и демократии; «где свобода и самоопределение — там и воздух еврея!». «Нет, — грустно настаивает первый спорщик, старик вдовец. — Где закон и порядок — вот там воздух еврея. Если нет власти и порядка — то евреи теряют из первых... Надо понять, что наше благоденствие — уже связано с этой страной впредь навеки».

Солженицын, как никто из современников, знает уроки истории последнего столетия; поэтому он призывает помнить завет пророка Иеремии иудеям, переселённым в Вавилон: «И заботьтесь о благосостоянии города, в который Я переселил вас, и молитесь за него Господу; ибо при благосостоянии его и вам будет мир» (Иер. 29, 7). Нельзя не видеть, насколько актуален этот завет и сегодня, — особенно если иметь в виду ту непредвиденность последствий, которая обнажилась в тесных переплетениях российской исторической жизни с судьбой российского еврейства. Эта глубинная связь двух народов, которую высветил Солженицын, более всего впечатляет меня в его книге.

А. Б. Зубов, доктор исторических наук

Дорогие друзья, дорогие коллеги! Удивительно радостно встретиться всем нам при обсуждении этой книги в замечательном доме «русское зарубежье», созданном стараниями Александра Исаевича. Надо сказать, что, редко читая газеты и слушая радио и вовсе не смотря телевизор, я не был готов к тому, что такая книга готовится к изданию. А когда узнал о её выходе, когда открыл её, у меня родилось такое щемящее, острое чувство: что это? зачем? нужно ли в данный момент? Потому что, как много говорили здесь сейчас до меня, отношения евреев с каким-либо народом — всегда проблема. Стоит ли акцентировать внимание? Стоит ли говорить: здесь русский, здесь еврей; здесь немец, здесь еврей?

Во-первых, должен заметить, что замечательные слова апостола Павла из послания к галатам: «Несть ни Эллина, ни Иудея» — имеют продолжение: «Нет раба, нет свободного, нет ни мужского пола, ни женского, но всё одно во Христе Иисусе». Но при том мы догадываемся, что есть всё-таки и мужской пол, и женский и что бывают, к сожалению, рабы и свободные, подвластные и властвующие. И забывать, игнорировать это, не думать об этом — смешно.

А потому задача, в том числе и задача христианская, не состоит в потере человеком своего этнического лица, в превращении в человека «вообще», без рода и племени, что, надо сказать, и практически невозможно и богопротивно, так как к общему восходим мы всегда через личное, в том числе и коллективно-личное, национальное — к усии через ипостась, если угодно. А потому проблема вовсе не состоит в забвении народом своего прошлого, своей сути, а лишь в нахождении правильного принципа взаимоотношения народов, такого взаимоотношения, которое не допускало

бы конфликтов, а, напротив, утверждало бы мир и благоденствие отношений. То единство в многообразии, которое мы, христиане, переживаем в образе Церкви — «Тела Христова», а иудеи — в образе богоизбранного Израиля, детей Авраама. И здесь в практическом плане самое главное, я думаю, реализация принципа, который для европейской цивилизации идёт из Пятикнижия Моисеева. Принцип этот, повторённый Спасителем, известный и в Китае, и в Индии: «Не делай другому того, чего не желаешь себе».

В своей новой книге Александр Исаевич под этим углом предлагает рассмотреть отношения двух народов, которые в России, что уж греха таить, действительно имели огромное значение и в огромной степени определяли судьбы России в XIX и особенно, конечно же, в XX веке. И опять же, что греха таить, нет такого человека в еврейском доме и в русском доме, который бы не говорил об этом, который бы не касался этой темы наших взаимных отношений в кругу друзей и домочадцев. Эта тема возникает обязательно, если люди искренни перед собой, перед своими детьми, перед близкими и перед тем народом, о котором они говорят. Во многом эта тема становится главной в диалоге двух народов. И часто, очень часто евреи склонны в своих бедах винить русских: погромщики, юдофобы, пещерные националисты, вспоминая и черту осёдлости, и процесс еврейских врачей, а русские — евреев: космополиты, равнодушные к величию России, заправила революции, предреволюционного и советского террора, гонители Церкви, создатели антирусской Совдепии, да и нынешние олигархи, пожирающие страну. Эти взаимные обвинения — большая проблема. И совсем редко, буквально штучно возникает ситуация, когда два народа видят каждый свою вину в бедах и трагедиях друг друга. А между тем как в доме, где в отношениях мужа и жены, часто чреватых, увы, бытовыми конфликтами, ежели каждый говорит: «Ты виноват передо мной» — никакое примирение невозможно, а будет только усугубление розни. И только в случае если человек увидит свою вину и раскроет своё сердце перед другим, если скажет: «Я виноват перед тобой» — вот тогда возможно примирение. Так же и между народами.

Но здесь необходимы два условия. Видеть свою вину, а не другого. Это первое. И чтобы видели свою вину оба, а не один только. Это второе. И вот как раз эта-то проблема, эта-то тема практически в современной нашей исторической науке не касаема. И замечательно, что великий писатель, уже в годах немолодых, почувствовал потребность, после того как была уничтожена силой его гения и слова — в «Раковом корпусе», «В круге первом», в ранних рассказах и, конечно же, в «Архипелаге» — сталинская и советская тоталитарная гордыня, после того как в «Красном колесе» была прояснена и обнажена вина самой исторической России, приведшая её к революции, к катастрофе, к поражению в гражданской войне, к нашему, русскому, Холокосту ЧК–НКВД, — почувствовал необходимость сделать третий шаг, столь же важный, на его взгляд, для нашего национального самопознания и исцеления.

«Я не терял надежды, что найдётся прежде меня автор, кто объёмно и равновесно, обоесторонне осветит нам этот калёный клин...— пишет Солженицын.—Однако, при всём блистательном наборе умов и перьев—до сих пор не появился такой показ или освещение взаимной нашей истории, который встретил бы понимание с обеих сторон... Я долго откладывал эту книгу и рад бы не брать на себя тяжесть её писать, но сроки моей жизни на исчерпе, и приходится взяться».

Тема отношений русских и евреев в России. Посмотрите, как эволюционирует, как меняется язык автора. Сначала литературные произведения гулаговского круга. Потом «Красное колесо» — практически соединение исторического исследования и художественного произведения. И наконец, чисто научное исследование о еврейской проблеме в России. Как талантливый художник Александр Исаевич ощущал, какой язык, какой метод и какой подход слова необходим во всех тех случаях. Почему же в книге «Двести лет вместе» выбрал он научный дискурс? Будучи сам научным работником, историком, я должен сказать, что потрясён научным качеством этой работы. Эта работа как научное исследование вполне может считаться образцом для современной исторической науки, для русского научного языка в гуманитарных дисциплинах.

Но почему же выбрал Солженицын научный язык? Да потому что нет проблемы отечественной истории, где накопилось большее количество недоговорённостей, двусмысленностей, взаимных обвинений и прямой неправды, чем в отношениях русских и евреев. Но снимать эту проблему невозможно ни пафосом, ни отдельными мазками: там показал, здесь недосказал. Так действовали многие—и малополезно. Сложнейшая эта проблема требует иного подхода: шаг за шагом, тщательно и аккуратно исследовать её до самых глубин, до самых оснований. Исследовать с использованием законодательных актов, публицистических текстов,

цифр, статистики, и притом публицистики и статистики «обоесторонней», авторов и еврейских, и русских, показывая, как было на самом деле. Так решить задачу можно только в объективизированном научном изложении.

Какой же главный вывод делает Александр Исаевич в этом томе — вывод, который я считаю для темы наиважнейшим? Этот вывод заключается в том, что, с одной стороны, не было специально антиеврейской политики российского государства и правительства, ставящей своей целью искоренение, уничтожение, загнание в подвал навсегда или вытеснение в эмиграцию еврейского народа. Хотя было много различных ограничений и преград, но эти ограничения как бы шли параллельно мерам и немалым финансовым расходам по обустройству еврейского народа на началах, выгодных и самим евреям, и населению империи в целом. А с другой — меры, которые нередко трактуются как антиеврейские, во многом объясняются революционной деятельностью значительной части еврейства, и охранительные действия скорее вызваны не этнофобией и религиефобией, а боязнью, неловкой попыткой оборониться от революции, а не от еврейства как такового.

Александр Исаевич ясно показывает, что не было такого явления, как извечный российский антисемитизм. До Александра III антисемитизма в России не было вовсе в высшем сословии, после Александра III он появляется, но причины его появления, сущности, на которые он был реакцией, тоже показаны. С другой стороны, в книге вполне доказано, что еврейство в себе не несло тотального стремления к уничтожению и разрушению России, как об этом говорится в различной антисемитской литературе, в частности в «Протоколах сионских мудрецов», что не было такого национального еврейского «проекта», национальной сверхзадачи уничтожения императорской России. А была реакция многообразная — часто она в книге по пяти, по семи позициям разложена, — реакция еврейства на вот эти, с одной стороны, «неловкие» зажимы власти, а с другой — на ту ситуацию реальную, в которой оказалось еврейство в силу своей религиозной замкнутости, в силу своего ещё полусредневекового в начале XIX века, наследованного от Польши пребывания и т. д. и т. п.

То есть снято самое главное предубеждение: два народа не имеют исторической ненависти друг к другу, не стремятся «извечно» друг друга сожрать, изжить или подчинить. На самом деле идут намного более сложные, естественные и простые, а не какие-то сверхдалеко кем-то просчитанные отношения народов. Снимается вот этот страх, это подозрение во взаимном расчётливом коварстве. Это первое. И вторая проблема, которая решена блестяще в обсуждаемой книге, к ней часто возвращается автор, состоит в том, что задача каждого народа самому объяснить, почему он совершал те или иные плохие, дурные, безнравственные действия по отношению к другому народу, и признать, что это ошибка именно народа, а не отдельных негодяев, к народу в целом, кроме родства по крови, никакого отношения не имеющих. Важно то, одобряются ли народом действия отдельных этих негодяев или с возмущением отвергаются.

Уж не раз говорилось здесь об убийстве Богровым Столыпина. В связи с этим, в связи с одесским погромом и контрпогромом 1905 года, гомельским погромом и контрпогромом, многократно высказывается мысль, что нельзя, абсолютно нельзя, невозможно считать одну сторону живодёрской, а другую — жертвой. Конфликт взаимен, и конфликт этот основан на определённых предпосылках, которые в книге прекрасно показаны. И, кстати говоря, постоянные перекидки в послереволюционное прошлое, когда евреи, выгнанные так же, как и русские эмигранты, из России, говорят: мы боролись против черты осёдлости, против царского правительства, а теперь мы видим, насколько лучше по сравнению с нынешним советским было то старое российское государство. Это было, как говорит один еврейский автор, царство свободы по сравнению с царством ВЧК. Я должен сказать, что до сих пор эта традиция продолжается. Сейчас в «Новом мире» в восьмом номере должен быть опубликован обмен письмами между мной и Григорием Соломоновичем Померанцем. И Григорий Соломонович (мы спорим о гражданской войне и об антисемитизме в эпоху гражданской войны) говорит: «Я прекрасно понимаю, что никогда в советское время евреям не жилось так хорошо, как жилось до 1917 года. Никогда, даже в самый первый период советской власти, когда в руководстве Совдепией было так много евреев, тем паче в позднейшее время». Это, я думаю, очень важный вывод.

Хочется сказать в заключение, что эта книга, безусловно, огромная не только творческая и даже не столько творческая, сколько гражданская удача Александра Исаевича. Теперь любой разговор на эту тему, на любой кухне, в любом доме, на любой дачной веранде между соседями всегда может быть возведён к фактам этой книги, ибо факты разобраны до исторической исчерпанности и полноты.

Занимаясь более пятнадцати лет этническими отношениями в России, я могу сказать, что больший научный результат в исследовании русско-еврейских отношений, чем тот, которого достиг в своём первом томе новой книги Александр Исаевич, я себе помыслить не могу. Его исследование абсолютно не тенденциозно. В нём нет выпячивания, предпочтения ни еврейской, ни русской позиции, а есть стремление доискаться до правды, есть главное для историка достоинство: считать, что какой бы ни была правда, она всегда важнее для понимания и причин, и следствий — и ближайших, и отдалённых, — чем любая фальсификация, умолчание, затирание и затушёвывание. Правда должна быть высказана до самых последних основ, самых последних слов. Тогда есть возможность выздоровления.

И последнее. Я думаю, что не только в частных беседах эта книга будет очень важна. Эта книга, после того как она станет фактом культуры (а она уже им становится), книга эта во многом снимет — она могла бы и вовсе снять, но это, к сожалению, в нашем падшем мире невозможно, — во многом снимет болезненнейшую воспалённость в русско-еврейских отношениях, оздоровит их. Книга эта — сильнейшее терапевтическое средство. И любой человек, который желает строить свою жизнь не от исторического испуга, исторической наивности, который не желает за беды своей судьбы перекладывать ответственность на другого, еврея ли или русского, а желает доискаться до правды, он найдёт в этой книге удивительную возможность решить для себя эту серьёзнейшую проблему русской истории. И я верю, что благодаря этой книге русское общество войдёт в XXI век без той болезненной опухоли, взаимной исторической неприязни, которая, к сожалению, между русским и еврейским народом остаётся до сегодняшнего дня.

Г. Д. Гачев, доктор филологических наук

Читаю книгу Солженицына про Россию и еврейство. Это — Эверест творчества Солженицына. И понятно, что восхождение на эту сложнейшую и опасную тему позволил он себе предпринять в позднем возрасте, когда человек выходит в мудрость, в статус старца-аксакала, кто может объективнейше рассудить этот исторический спор-тяжбу. А в мире ныне нет человека и мыслителя, кто бы обладал таким богатейшим опытом жизни и размышлений, кругозором такого диапазона, как Солженицын. Ему и карты в руки, но и — долг и призвание почувствовал: помочь всем сторонам разобраться в этой проблеме, как говорят, *sine ira et studio* (без гнева и пристрастия). Хотя нет, дышит тут страсть, любовь к кровоточащей и обесчещенной ныне России, и она питает творческим огнем немолодые уже силы. А без страсти не делается ничего истинно великого, говаривал Гегель. Но любовь здесь та, о коей сказано: «Платон мне друг, но Истина — более подруга». И в разборе этого исторического сюжета за два века высказано им и о России — сколько горьких истин, углубляющих наше понимание ее!..

Увы, Россия и ее умники (писатели, мыслители...) роковым образом запоздали с сократовой работой: «познай самого себя!» Еле начали славянофилы в XIX веке, но тут же общечеловеческий Вл. Соловьев цыкнул на «Россию и Европу» Данилевского, и даже Достоевский всемирной отзывчивостью похвалялся как сущностью русского духа; а Блок: «Нам внятно все: и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений». Ладно, все — пусть! Но себя-то надо понять — первое, а не чужих. Но этим — в какой-то интеллектуальной стыдобе девической — все пренебрегали и в России-империи, а уж в СССР, где казенный интернационализм, и совсем запретна стала тема. И вот когда уже «Россия в обвале», в сих сумерках ее, вылетает сова Минервы: спохватились искать Русскую идею — и даже на государственном уровне поручения дают. И опять тут — туфта и лажа. Их и разбивает книга Солженицына.

Итак, что это за книга: о чем и как?

Перед нами драма, даже мистерия истории — о том, как врезались друг в друга, летя в мировых пространствах, два космоисторических тела, сошлись в клинче, в объятиях любовно-смертельных, во Эросе-Ярости на протяжении двух веков, и вот разошлись — не как в море корабли, но и напитав, и изранив друг друга, кровоточа. И тут, похоже, более малое, компактное и заостренное тело еврейства, вклинившись в огромную, аморфную и рыхлую массу матери-сырой земли России, вышло более сухим из воды и отлетело. Ну да, был прилет, вход в конце XVIII века в разделах Польши — и вот Исход в наше время: в эмиграциях в Израиль, в США... Такой эпизод вышел для еврейства, как и пребывание в Вавилоне и Египте. Теперь отрясает-отмывает прах России со своих ног. А она?..

Кто ж виноват? виноватых — нет, а есть рок истории. Книгу Солженицына читаешь, как смотришь античную трагедию. И в функции трагического героя выступает Россия. Ее трагическая вина — рок расширения: призвание цивилизовать бесконечный простор и народы севера Евразии,

по Апейрону беспредельной равнины растекатся, забыв о пределе и принципе меры, которую трагический герой, заносясь-забываясь в гордыне-гюбрис, преступает. И вот первый акт этой трагедии, экспозиция-завязка: Суворов вступил в Варшаву! Рукоплещем успехам русского оружия в славный век Екатерины!.. А невдомек нам, что боги Олимпа уже смеются: ведь с тем заполучили два миллиона евреев, что через век помогут сокрушить Россию-империю, и один из них убьет царя...

С меланхолическим восхищением созерцает Солженицын-историк эту поступь Истории и ее игру с нашими планами, пониманиями и оценками событий: она тут — автор, а он примостился ей секретарствовать. Она пишет себя — документами и цитатами, он же «аранжирует» (по слову Глинки о том, кто сочиняет — пишет музыку: народ или композитор?). Но «аранжирует» великолепно — уже как писатель-художник: так располагает материалы, что они становятся как *personae dramatis* («действующие лица»): речи, монологи, реплики «а парте» произносятся, в диалоги вступают, так что и характерность персонажей в языке проступает. В цитатах слух художника расслышивает речения образные — вон как в «Записке» Державина или даже в резолюции николаевского министра Киселева от 1852 года: «Не надо обезоховчиваться первыми неудачными приемами» (с. 114). Слово — совсем в стиле солженицынского «Словаря языкового расширения». Или — из Гроссмана-Родина про Арона Елина, кто «знаменитый террорист», но не просто «красных дел мастер», «никогда не впадает в механический боевизм» (с. 361).

А мы, читатели книги, переживаем катарсис: со страхом и состраданием следим за героями, протагонистами этой драмы — Россией и еврейством, внимаем те перипетии многие и непредполагаемые, на которые так изобретательна история. А наш по ним поводыр — Солженицын на каждом шагу дивит нас перепониманиями — уже из опыта конца XX века — вроде бы давно ясно понятых и оцененных фактов и событий: как можно бы и власти иначе поступить, нереализованные возможности, от коих бес-демон какой отводил. И автор тут являет государственный ум и поправляет — увы, задним числом и умом — свершившееся. Пусть и не изменить деяния бывшие, но для более глубокого понимания их, и вообще России и еврейства, их сущности и характеров, — это плодотворно, расширяет наши мозги.

И главный укор нам: из чего это мы все лезли и лезем в чужие дела, а не занимаемся своими? Лезем разрешать там переплеты между Австрией и Пруссией, между Антантой и Германией, между Кубой и США, а своя страна — в небрежении и мерзости запустения, как целина и пустошь — и хозяйство, и крестьянство? И не только бюрократия немецкая и власть, но и умники-писатели по чужим правилам мыслят и судят: «дорогие там в Европе покойнички» (Достоевский), общечеловечно — Леонтьев о мещанстве «среднеевропейца», Соловьев с гегельянским аршином, Бердяев с кантианским... Что бы заняться помещикам своим хозяйством, как в Англии лендлорды, ставшие «джентри»? Так нет, патриот Тютчев и дня не мог прожить в своем имении на Брянщине (хотя как воспел «эти бедные селенья...»!), но пусть там распоряжается управляющий немец или еврей, а он все — в Мюнхене или в Ницце и дока-знаток в перипетиях европейских дел.

Развивались экстенсивно — вширь и вверх, а так мало — внутрь и вглубь. Государство-то как раз наиболее трудилось над обустройством внутрь: труженики честные немцы на русской службе и русские чиновники, «московский служилый человек», — этого типа и советский партократ и номенклатурщик... А вот интеллигенция — та в основном подсвистывала из сторонне-безответственной позиции...

Но тут опять же — рок, не преступная вина. Вечное запаздывание, а потом лихорадка ускорения и догоняния, аврал и штурмовщина. Сам космос России тут повинен. Рок России — несовпадение шага пространства с темпоритмом времени. Пространство — вона какое огромное, да на сон зимы и берлоги полгода выпадает. Так что каждое дело и фазу исторического развития нам бы естественно проходить раз в 5–10 дольше, чем странам Европы. Россия — медведь, даже мамонт, и очевидно, что темпоритм кровообращения и пульс такого животного иной, нежели у среднего млекопитающего — там волка Германии, лисы Франции или дога Англии. Но вовлеченность наша в дела и сторону Запада вливает в нас ихнюю меру и правила игры и подстегивает: скорее, или нас сомнут! — и сбивает с панталыку и ввергает в шизофреническую ситуацию, когда мы торопимся делать что-то, а понимать-разбираться будем потом. Рок Заднего Ума — таков Русский Логос, увы!..

Яркие примеры такого запаздывания реакций приводит Солженицын в книге. Ну и главные тут недоразумения и *qui pro quo* — в сюжетах с еврейством. Как Журавль и Лисица подружились и угощали друг друга. Ведь при всем расположении государства к приемному сыну еврейства — совершенное непонимание его и своей сущности и что им подходит, а что — нет. Чем богаты, тем

и рады в России? Просторами земли. И вот власть щедро одаряет принятых евреев прекрасными землями юга — Новороссии и проч., стремясь сделать их «нормальными» по-русски людьми, то есть земледельцами и воинами, занять производительным трудом, положительные предметы изготовлять, субстанциальные. И так цивилизовать местечковых евреев из Польши. А евреи землю не берут. Или берут мнимо: сразу сдают ее в аренду — другим земледелить, а сами открывают шинок-трактир.

Отчего же такая трудная совместимость тканей между Россией и еврейством? Это — космоисторические организмы разного склада. Подобно тому как каждый человек есть троичное единство: тело, душа, дух, так и каждая национальная целостность есть космо-психо-логос, то есть единство местной природы (космос), характера народа (Психея) и его типа мышления (логос). Уникальность еврейства — в том, что этот народ смог существовать в ходе истории без своей природы. Благодаря этому (в частности!) он — «избранный народ». Еврейский вариант можно определить как психо-логос минус космос. И как в математике минус, отрицательное число есть не просто отсутствие, но значащая величина, так и «минус-космос» есть весьма значащее отсутствие. Те энергии, которые в других народах распространяются экстенсивно на их территориях (истекают в землю — ее возделывать, в постройку городов, тратятся в войнах...), в еврействе оставались при себе, в Психее и в Логосе, делая их необычайно активными и дифференцированными. «Тора» — их терри-тора. Природа еврейства — это тело народа, его сохранение диетарными заповедями «Второзакония». Космос оказался как бы вдавлен в Этнос. Главная заповедь здесь — жить, выжить: «Быть живым, живым, и только, до конца», как это выражено Пастернаком.

И вот такой «минус-космос» попадает в такой сверхкосмос, который являет собою Россия. Тут наоборот: и так малые силы смертного человека оттягиваются на обслуживание беспредельного пространства, в трудном космосе Севера и зимы, что затормаживает и замораживает энергии и реакции. Еще — на строительство, промышленность, защиту страны в войнах. А вот еврей ни к чему такому не приспособлен, не умеет, ибо «минус-космос» освобожден Историей от деятельности и забот этого рода. А привык — в порах других национально-исторических существ обитать, не на первом этаже, в «базисе», а на втором — в «надстройке» — и там сновать и осуществлять связь между элементами, обмен веществ — их оборот, торговля, деньги... Тоже важная функция — всевязи между предметами, странами-тканями, роль ферментов — ускорителей реакций и процессов: взбадривать (актуально это для русского, по естеству склонного впадать в сон-дрему, грусть-тоску и обломовщину). То есть их ареал — горизонтальный уровень поверхности плоскости Земли, тогда как другие народы-страны впаяны в свой присущий космос, обитают по оси вертикали Земля—Небо, из природы взращивать культуру в труде и творчестве призваны, восставлять этот перпендикуляр снизу вверх, из субстанции-почвы, будучи к ней прикованы и увязая. Еврейство же — без этого «балласта», налегке обитало, летуче и юрко, не имея ответственности за судьбы принявших их стран и, на взгляд туземцев, — паразитарно, и тем их дразнили. Так что везде-то была ревность-соперничество между родным и приемным сынами в семье-стране, где селились в диаспоре евреи. И архетипия меж ними такова, что приемный — более энергичен, хваток и безразличен к местному (ибо не родное, не свое, пуповинно не связан). Эта пара — в «Короле Лире»: помните, у графа Глостера родной сын Эдгар, преданный и нравственный, но ограниченный, и побочный сын Эдмунд, динамичный, остроумный и все себе позволяющий.

Так вот, заполучив по Року расширения два миллиона евреев из Польши, что плохо лежала в конце XVIII века, Россия не знала, что с ними делать. Ведь то было еще местечковое, понизовое еврейство, а не надстроечно-цивилизованное. Развернуть свои полезные для общества таланты в сфере обмена веществ, торговли — еврейству можно в стране плотно населенной, где уже производится аборигенами много предметов. Так это было в странах Ближнего Востока, в средиземноморском регионе. Ну а в России с ее пустой территорией и разреженным населением — для чего люди? Садиться на землю и заселять, заняться производительным трудом на нижнем уровне — в промышленности и земледелии. А евреи — не умеют. А если на земле, то тут же надстроечность учиняют: вертикально взрощенное живущими тут крестьянами растение — жито — перегоняют в водку и в шинке-трактире торгуют, уничтожая зерно-хлеб, с которым и так в России голодно. Что делать государству? Тогда стали цивилизовать местечковых и кагалных евреев — в светское образование втягивать и так подравнивать чужеродных под своих. Этот вектор оказался для еврейства приемлем и магистрален: в итоге за век оно поднялось в надстройку

России, туда перекачались пять–семь миллионов и заняли в и так еще малом ее пространстве огромный удельный вес. А после революции, когда элита России — миллионы дворян и интеллигентов вышвырнуты в эмиграцию, их пустующие места в надстройке заняли уже образованные и динамичные евреи.

Россия так послужила к образованию светскому и цивилизации половины евреев земного шара к началу XX века. А уж в XX веке они направили свою энергию, чтобы приспособить Россию себе под обетованную землю, строя СССР (и действительно, еврейский культурно-творческий ренессанс тут совершился в 20–30-е годы), а затем, уже от избытка здесь, просвещенное тут еврейство в Исходе в Израиль, и США, и... — активно заняло надстройку во всем мире, влияя через идеологии (марксизм, фрейдизм), через работу всевязи — деньги, информация, масс-медиа, глобализация...

А Россия — в немощи и развале. То-то и обидно нам: ведь из наших сил напитались — и утекли. Конечно, глупость наша, замедленные реакции русского медведя, задний ум — сами виноваты. А все ж мучительно и унижительно в исторически-одуроченных нам себя ныне осознавать...

Теперь оглядываемся: как же это произошло? И вот книга Солженицына дает нам зеркало и анализ, понимание и научение. Познание самого себя, пусть и запоздалое, побуждает понять нашу меру, что тут присуще и нужно, и тем ободряет на трезвое мужество и новый труд.

Мера, «судьба средней линии» — вздох-лейтмотив Солженицына. Никак-то ее не удавалось проводить — из-за консерватизма недвижимой власти государства и радикализма «общественности»...

А сюжет «Россия и еврейство» — самокормный: создает интеллектуальное, проблемное силовое поле с огромной разностью потенциалов — вглядываться друг в друга из столь полярных полюсов. Отсюда же — и «влечение — род недуга» меж русскими и евреями, Эрос-Ярость, та «любовь к ненавидимому», о чем Жаботинский. А та влюбленность художников из евреев в русскую природу — Левитан, Пастернак! Последний так бы и впился в белоснежное тело России, русской женщины!.. Тут страсть минус-космоса — ко сверхкосмосу...

В. Т. Третьяков, первый главный редактор «Независимой газеты», профессор факультета международной информации МГИМО (У)

Первые выступавшие ввели сегодня моду представлять себя, характеризуя тем самым свою близость к теме обсуждаемой книги. Я тоже представляюсь, но очень коротко, мое отчество — Товиевич. Товий — малоизвестное библейское имя. На этом основании некоторые считают меня евреем. Хотя это не так (отец мой был просто назван по святым), я особо никого не разубеждаю, однако всегда чувствую, как люди на такое отчество реагируют. И реагируют прежде всего евреи.

Кстати, в советское время мне это отчество нисколько не мешало, не создавало для меня никаких проблем — хотя, может быть, просто потому, что оно действительно мало известно, кстати, даже многим евреям.

Теперь, после этого вступления, имеющего непосредственное отношение к теме книги, собственно о тексте Александра Солженицына. Я не успел прочесть всю книгу — прочел около четвертой ее части, остальное пока пролистал. И в общем-то нашел подтверждение тому, что всегда считал очевидным. В словах «еврейский вопрос в России» смешаны три явления. Просто евреи России, для которых в общем-то нет никакого еврейского вопроса, если бы им об этом не говорили, особенно СМИ. Большинство русских, для которых этого вопроса тоже не существует, если им об этом не говорят, а чаще всего об этом им говорят некоторые евреи, которые, извините, носятся с «еврейским вопросом», не давая никому, в том числе и самим себе, о нем забывать. И третье явление — это собственно «еврейский вопрос», которого нет (по крайней мере, уже давно) в жизни, но в силу того, что о нем постоянно говорят, он вроде бы существует.

Так вот, книга Солженицына поразила меня своей совершенной беспристрастностью. Я бы сказал, что мне это даже мешало. Даже было скучновато читать, ибо я ждал от Солженицына оценок и комментариев, а не просто исторических фактов. И историки-то так не пишут — у них всюду комментарии. В последней книге Солженицына комментариев и оценок практически нет. Огромный фактический материал, со многим я был знаком, но много узнал и нового, даже избыточный фактический материал, но оценки — максимум абзац на две-три страницы фактов и цитат, а чаще — предложение, а то и слово или просто интонация. Это удивительно для автора, который, да позволено будет сказать в данной аудитории, чаще всего избыточен в своих текстах. Это первое.

Второе. Поскольку Александр Исаевич, безусловно, не относится к писателям, которые пишут все, что им взбредет в голову, но, напротив, очень рационален в составлении своих текстов, то я предполагаю, что это не случайно. Он либо ставит эксперимент над читателями — как они среагируют, либо припас свои оценки и комментарии для завершающего тома. Лично мне было бы тогда интереснее всего прочитать именно то, что будет в конце этого тома.

Мне даже кажется, и иногда вроде бы видел это в тексте, что в рукописи были обширные комментарии, но потом автор их безжалостно и преднамеренно вычеркивал.

Третье. Об эксперименте. Это как с моим отчеством — кто как среагирует. Я уверен, что антисемиты прочтут книгу Солженицына как проеврейскую, а те, что наоборот (в старой советской терминологии — сионисты), — как антисемитскую. Думаю, автор хотел достичь такого эффекта.

Следующее. Максимально взвешенный, максимально объективный пересказ фактов и документов дает тоже эффект — поразительный. Получается — на основе фактов, — что, с одной стороны, евреи были в России угнетенной нацией, испытывавшей ряд специфических ограничений, а с другой — по некоторым позициям они были гораздо свободнее, чем русские, были титульной нацией и пользовались особыми привилегиями, которые и не снились простым русским людям, тем более крепостным.

Парадокс это или просто специфика существования одной из нерусских наций в Российской империи? Ответ, на мой взгляд, очевиден, а дальше можно рассуждать о еврейском вопросе, но тогда не забудем и татарский вопрос (а он тогда тоже существовал в России), и цыганский вопрос. Но, кроме еврейского вопроса, ничто так живо не обсуждается.

И евреи, и чукчи вошли в анекдоты. Но только чукчу живого почти никто не видел, его образ крайне мифологизирован, а евреев видели все — отсюда некоторые обидные реальности. И, кроме того, остроту еврейскому вопросу в такой неантисемитской стране, как Россия (в нынешней Европе есть по крайней мере три действительно антисемитские страны, особенно в прошлом), создают евреи, которые постоянно об этом вопросе, к месту и не к месту, говорят.

Да для России, между прочим, куда острее стоит сегодня и стоял всегда украинский вопрос. Вот уж действительно и геополитическая, и стратегическая, и психологическая проблема. Вся жизнь сегодняшней России крутится не вокруг еврейского, а вокруг украинского вопроса. И русские евреи крутятся вместе с нами в реальности не вокруг того, о чем мы сегодня говорим, а вокруг этих самых украинцев.

А вот все то, что искусственно раздувает еврейский вопрос, в том числе и, извините, некое специальное представление некоторыми евреями самих себя в одежде ли, в традициях ли, — это, на мой взгляд, язычество, то есть нецивилизованное поведение.

Сегодня было высказано много очень интересных оценок и мыслей — от конкретики и до космологического описания проблемы Георгием Гачевым. Но мне бы было все-таки интересно узнать мнение автора о «еврейском вопросе».

А Солженицын решил препарировать этот вопрос скальпелем хирурга, совершенно объективно вскрыть эту плоть, не делая никаких замечаний, кроме самых необходимых в истории пометок: в такой-то день, в такой-то час вскрыл нарыв, гною вытекло столько-то...

Мне, повторяю, этого мало. Понимаю, что он сделал это с умыслом. Может, это хорошо, может, это плохо. Не знаю. Если Александр Исаевич сумеет закрыть еврейский вопрос в завершающем томе «истории болезни» (смех в зале), тогда просто памятник при жизни надо сразу ставить ему в Москве. Но боюсь, не сумеет. И не по своей вине.

А. С. Ципко, доктор философских наук

Книга Александра Исаевича, которую мы сегодня обсуждаем, является актом не только научного, но и гражданского мужества. Как и всегда все, что выходит из-под пера Александра Исаевича, является поступком с большой буквы. Очень важно, что историю взаимоотношения евреев и русских осмыслил человек, в душе которого сконцентрирован уникальный опыт России XX века. Вообще, надо понимать, что само по себе осмысление истории, тем более российской, без личностного сопереживания не имеет смысла. То, что не сделаем мы, люди, несущие в себе уникальный политический и моральный опыт жизни в России в XX веке, никто уже не сделает. Это относится не только к поколению Александра Исаевича, которое родилось сразу после революции, но и к моему поколению отечественной войны. Скажу сразу: на мой взгляд, обсуждаемая нами книга Александра Исаевича — это не столько книга о взаимоотношениях евреев и русских в последние двести лет, сколько о судьбе российского государства, о судьбе

русских. Русский в этих отношениях всегда видит смысл и природу русскости точно так, как еврей видит смысл и судьбу еврейства.

Мне думается, что толчком к такого рода личностному исследованию является тот несомненный факт, что за всеми нашими революциями XX века стоит в том числе и неразрешенный еврейский вопрос. По этой причине русское социалистическое еврейство было главным субъектом и режиссером и октябрьской революции 1917 года, и августовской демократической революции 1991-го. Распад российской империи был в том числе и платой за погромы и за черту оседлости. В равной мере — в последнем я убежден — распад СССР в той форме, в какой он произошел, был расплатой в том числе и за наш пресловутый «пятый пункт», за сталинский государственный антисемитизм. Об этом не принято у нас говорить. Но это осознают все участники нашего политического процесса. Несомненно, что специфические интересы российской демократической интеллигенции, играющие значительную роль в событиях последних пятнадцати лет, наложили отпечаток и на политическую и идеологическую конфигурацию посткоммунистической России. Очевидно, что очень часто за это время решение еврейского вопроса отождествлялось целиком с более обширной задачей демократизации страны.

Книга Александра Исаевича не вызвала бы такого интереса, если бы она не имела отношения к нынешним политическим реалиям, если бы на самом деле был найден наконец-то консенсус между евреями и русскими уже в новом русском посткоммунистическом государстве. Очевидно, до тех пор, пока еврейская интеллигенция будет ощущать угрозу реставрации государственного антисемитизма, она будет делать все возможное и невозможное для ослабления новой России. До тех пор пока еврейская интеллигенция, являющаяся реально главным мотором демократических преобразований, не изживет в себе глубинный синдром отторжения от так называемого «российского державничества», у нас просто нет будущего.

Понятно, что Александр Исаевич, при всей своей объективности, смотрит на отношения русских и евреев не просто как великоросс, но и как русский интеллигент, которому, несомненно, жалко старой царской России, погибшей в огне гражданской войны, как интеллигент, который понимает, что гибель той старой России была не только цивилизационной, но и национальной катастрофой. На мой взгляд (и в этом я близок духовно и политически к Александру Исаевичу), невозможно чувствовать себя русским, тем более русским патриотом, не испытывая этого ощущения боли и невозполнимой утраты, связанной с гибелью того, что было до 1917 года. Кстати, по этой причине наш левый патриотизм поклонников Ленина и Сталина является выморочным и морально неполноценным.

Правда, Александр Исаевич объективен в оценке истории взаимоотношений этих двух народов в той мере, в какой может быть объективен русский человек. Тут есть нечто такое, внутреннее, субъективное, что только бог может преодолеть. Хотя, на мой взгляд, русская национальная самоидентификация намного слабее, чем внутреннее самоощущение евреем еврейского мира, еврейской судьбы. Я не убежден, что русское национальное самосознание в состоянии пережить те катастрофы, которые пережил за последние три тысячелетия еврейский мир.

Но любой русский человек понимает, что если бы не роковые разделы Польши, в результате которых в составе российской империи оказалась значительная часть европейского еврейства, то история России была бы другой. И здесь, на мой взгляд, побудительный мотив к написанию обсуждаемой книги Александра Исаевича. Мне кажется, что за интересом к истории взаимоотношений русских и евреев стоит прежде всего желание осмыслить и понять судьбу российского государства, судьбу русскости. Почему так глупо на протяжении всего XIX века царская администрация решала еврейскую проблему? Почему закладывались мины, на которых потом взорвалась ослабленная Россия? Ведь если смотреть нормальными глазами на всю эту историю с суверенизацией РСФСР, то она была просто безумием, актом национального самоуничтожения. Более того, этот акт национального самоубийства был признан в качестве основного праздника российского государства. Почему в критические минуты российской истории этнические русские были самой пассивной частью населения, оказывались в роли зрителей, наблюдающих за сценой, на которой другие народы за них творили их собственную судьбу? Может быть, разговоры о русских как «государственно образующем этносе» не имеют никакого отношения к реальной истории?

Александр Исаевич прав, когда говорит, что нельзя отождествлять еврейскую революционную молодежь, которая была главным ферментом в формировании настроений недовольства, со всем русским еврейством. Я думаю, что можно было бы даже больше рассказать

о критическом отношении подавляющей ортодоксальной части российского еврейства к революционному буйству ее молодежи. Я, как одессит, в детстве слышал много разговоров на эту тему. Интересно, что, как правило, одесское ремесленное еврейство не отождествляло себя с большевистским еврейством, которое пришло к власти после 1917 года. Наша соседка тетя Сара, жена нашего семейного парикмахера Исаяи (их единственный сын погиб во время Отечественной войны), говорила, что всему виной «евреи-голодранцы», что «таких выродков, как Троцкий, надо было задушить в чреве матери».

Но все равно остается вопрос о неспособности администрации российской империи решить по-умному еврейскую проблему. Александр Исаевич в своей книге уделяет большое внимание рассказу о всей этой нелепой истории с окрестьяниванием евреев. Тут было много глупости и, конечно же, цинизма. Представители праздного российского дворянства, которое продавало русских и украинских крестьян наравне с борзыми щенками, рассуждало о паразитизме евреев и необходимости защиты интересов православных.

Когда я читал эту часть книги, у меня вставали страшные вопросы. Может быть, наше российское государство вообще не может быть нормальным? Может быть, русские, и прежде всего великороссы, вообще не могут быть хозяевами своей судьбы в собственной стране? Очень характерны фамилии генерал-губернаторов и обер-полицеймейстеров, которые, как рассказывает Александр Исаевич, попустительствовали на протяжении нескольких дней погромам в Киеве и Одессе. Речь, наверное, должна идти не столько о российской империи, сколько о колонии, принадлежащей остзейским и прочим немцам. Но самое страшное, что когда после немецкой империи и еврейской коммунистической республики при Сталине пришли к власти этнические русские, то тогда только усилилось уничтожение всех более или менее состоявшихся русских людей. И здесь самый страшный вопрос: могут ли этнические русские наконец-то построить нормальное цивилизованное государство, которое было бы комфортным прежде всего для них, для подавляющей части населения?

Мы ознакомились только с первой частью исследования Александра Исаевича, подошли только к предреволюционной России. Надеюсь, во второй части книги будут сформулированы ответы на вопросы, поставленные нашими революциями XX века.

Но, на мой взгляд, движение в исследовании истории взаимоотношений русских и евреев в составе и царской империи, и коммунистической России должно осуществляться с двух сторон. Понятно, что русскому не дано выйти целиком из русского мира, еврею — из еврейского. Но я давно жду умную, честную книгу, написанную евреем о судьбе русского еврейства, рассказ о том, как видится евреям их будущее в российской истории и в российском государстве. Надо общими усилиями раскрывать эту тему. Иначе невозможно вытравить бациллы антисемитизма, не преодолеть явную и скрытую русофобию.

В. М. Зубок, профессор Университета Темпл (Филадельфия)

Мое выступление будет носить характер краткого комментария. Во-первых, хочу выразить свое отношение к книге. Я считаю разговор о своевременности или несвоевременности ее появления бессмысленным. Подобная книга должна была появиться давно. Уже существует на разных языках значительное количество публикаций на тему о месте еврейства и евреев в российской и советской истории, зачастую их авторы как-то лично «причастны» к этой проблеме: либо считают себя евреями, либо воспитывались в еврейских семьях. Появляется много интересных исследований о сохранении еврейством своего национального самосознания в условиях русификации и советского государственного антисемитизма, о еврейской иммиграции и т. п. Из книг, опубликованных на Западе, особенно заметны исторические работы о преследованиях евреев («космополитов») при Сталине. В то же время — если не считать яро полемических трактатов в «Молодой гвардии» — в российском обществе, в академической науке существовало своего рода табу на исследование по евреям в России и Советском Союзе. Тому была и есть масса причин — но результат налицо: отсутствие грамотной, взвешенной реакции со стороны славянско-русского интеллектуального мира на эту проблему. Сложилось мнение — своего рода общественный консенсус, — что неприлично выносить эту тему на общественное обсуждение, как если бы речь шла о каком-то неприглядном соре в российской избе.

А ведь такое табу отчасти имеет место быть и в американском обществе, которое я в последние годы наблюдал. Курсы по антисемитизму и еврейской культуре, как правило, читаются людьми, считающими себя евреями или так или иначе связанными с иудаизмом. Это, разумеется, нормальное явление. Но мне приходилось слышать, как американские профессора, далекие от

американской еврейской общины люди, читали лекции по российской истории в американских университетах. И всякий раз они почему-то волновались, словно им пришлось шагать по минному полю. Один раз американский профессор спросил меня: «Ну что. не сказал ли я лишнего? Такая щекотливая тема...»

В США есть четкое либеральное отношение к еврейскому вопросу в России и Советском Союзе — замешенное на памяти о еврейских погромах, на стереотипах, принесенных в Новый Свет еврейской эмиграцией. То и дело слышишь, что царская Россия была страной насквозь антисемитской, страной, подарившей английскому языку слово «погром». Американский студент, если он что-то и вспомнит о дореволюционной истории России, он вспомнит Распутина, Николая II и Александру Федоровну и погромы. Отсюда недалеко и до стереотипа о русском народе, который сливается у некоторых американцев с образом охотнорядца-антисемита.

От негативных стереотипов недалеко и до курьезов. Мой коллега, преподающий историю России в американском университете, с удивлением рассказал мне, что многие студенты написали ему в контрольной работе, что Польша, входившая в состав царской России, была населена исключительно евреями. Вероятно, это следствие того, что громадное большинство книг и мемуаров о Польше посвящено польскому еврейству и его судьбе.

Американские историки и лекторы любят подчеркнуть, что Россия из-за дурного правительства, из-за отсутствия демократии, из-за традиционного антисемитизма потеряла много энергичных, умных, талантливых людей — а Америка ими обогатилась. Что ж, отрицать это бессмысленно. Но в исторической ретроспективе нельзя ограничиваться только погромами и иммиграцией — надо серьезно, вдумчиво изучать сложную, богатую нюансами тему еврейства в российской истории. И места тут хватит всем — и евреям, и неевреям.

Хотелось бы сказать еще и о том, чего нет в первом томе исследования Александра Исаевича, в частности, о месте еврейского вопроса во взаимоотношениях России, а затем Советского Союза, с Западом, особенно с Соединенными Штатами. Когда начинаешь копаться в этой истории, особенно в архивах, которые в последнее время стали доступны, обнаруживается, что очень многие сюжеты связаны с евреями, еврейским вопросом и иммиграцией. Есть и интересные параллели между дореволюционным и советским периодом. Начиная с 1880-х годов отношение американского общественного мнения к царской России было во многом окрашено в мрачные тона из-за еврейских погромов и притеснений иудаизма. Под влиянием очередной волны антиеврейских погромов после первой русской революции конгресс США голосует за ограничение торговли с Россией. Проходит шестьдесят лет, и в 1973 году Конгресс принимает примерно такую же по характеру поправку к закону о торговле с Советским Союзом. Это, конечно же, знаменитая поправка сенатора Генри Джексона.

Так что, хотим ли или нет, но с точки зрения США еврейский вопрос с начала XX века был важнейшей частью отношений с царской Россией, а потом уже важнейшей частью советско-американских отношений.

В некоторых российских кругах, особенно околоцерковных и националистических, не затихают споры о том, какова роль «инородцев» в русской революции. Можно ли говорить о взаимной вине за революцию русских и нерусских? Почему, наконец, произошла эта самая революция? Какова роль еврейства и других нерусских (латышей, грузин, армян, венгров и т. п.) в послереволюционные годы становления советского режима и т. д.? Хотя я не специалист по этому периоду, но из научной литературы и некоторых архивных источников мне стало очевидно, сколь велика была роль идеологии — комплекс идей интернационализма. Как бы ни старались некоторые авторы включить героев и антигероев того времени — от Троцкого до Эренбурга — в пантеон еврейской истории, сами эти люди весьма красноречиво в 1910-е и 1920-е годы отмежевались от еврейства и себя евреями не считали. А считали они себя революционерами и, во многих случаях, русскими по духу и по культуре.

И еще раз в этой связи надо вспомнить о международном аспекте. После революции возникает большое движение на Западе — в поддержку большевистской России. Это движение было либеральным, идеалистическим, и многие евреи, живущие в Северной Америке и Европе, в нем с энтузиазмом принимали участие. В глазах либеральных интеллектуалов большевистский режим — который они воспринимали через розовые очки — принес долгожданную «альтернативу» буржуазному материализму и меркантилизму. Но был в этих умонастроениях и специфический еврейский компонент. Революция как бы смыла стигму антисемитизма с России, а огромное число евреев в правительстве, в культурной элите СССР говорило само за себя. Многие евреи на Западе видели в этом подтверждение тому, чему хотели верить всей душой: что

антиеврейские настроения в царской России (и не только там!) суть не более чем предрассудки, которые растворятся в новой интернационалистической культуре. Советская культура для них и была вождленным экспериментом, апогеем такой ассимиляции.

В Москву потянулись, как в Мекку, паломники — от евреев-коммунистов, желавших принять участие в строительстве нового мира, до любопытствующих евреев-либералов (среди них, к примеру, Уолтер Бенджамин). Советское государство всю манипулировало этими людьми и цинично использовало их готовность быть обманутыми. В те годы советская разведка, как военная (ГРУ), так и политическая (ОГПУ–НКВД), во многом опиралась на либерально-еврейские «интернационалистские» кадры. Да и многие кадры этих разведок были «интернациональными» — еврейскими, латышскими и т. п. Достаточно посмотреть статистику, опубликованную исследователями из «Мемориала». Я об этом впервые четко услышал от ветерана ГРУ Михаила Абрамовича Минштейна — недавно его мемуары увидели свет, правда, изданы они небольшим тиражом. Совершенно ясно, что потрясающие успехи советской разведки в 1920-е и 1940-е годы, до конца второй мировой войны, объяснялись тем, что масса евреев видела в Советском Союзе прогрессивную силу. С приходом к власти Гитлера в Германии и все мировое еврейство, даже те люди, что были далеки от либеральных интеллектуалов, стали взирать с надеждой на Советский Союз. Сталин это прекрасно понимал и организовал Еврейский антифашистский комитет, который в 1942—1945 годах творил чудеса, мобилизуя финансовую помощь СССР со стороны американских евреев. Недавно на французском и английском языках появилась книга Серго Берия о своем отце (не путать с той, что вышла в России). Он вспоминает, что Лаврентий Берия, с согласия Сталина, всерьез рассчитывал мобилизовать мировое еврейство — банкиров, ученых, интеллектуалов и т. п. — для помощи Советскому Союзу после войны. Но потом Сталин повернул оглобли истории совсем в другую сторону.

Еще одна большая тема — советская власть и евреи в последние десятилетия существования СССР. Теперь, когда стали доступны некоторые кремлевские архивы, становится ясно, что нельзя говорить упрощенно, только о государственном антисемитизме Кремля. Во многом политика Брежнева и его соратников по Политбюро имела характер защитной реакции. С 1967 года, с арабо-израильской войны, начинается бурное оживление интереса к Израилю и еврейским «корням» в советском обществе. Потом начинается разрядка, и Никсон добивается от Брежнева, втихую, квоты на эмиграцию из СССР по еврейской линии. Замечательная публикация появилась несколько лет назад в архивном журнале «Источник» — стенограмма заседания Политбюро по еврейскому вопросу в марте 1973 года. Брежнев, обеспокоенный судьбой разрядки, на которую нападали сенатор Джексон и еврейско-либеральная коалиция в США, говорит: «Мы с Никсоном работаем, стараемся протолкнуть через Конгресс торговый договор со статусом максимального благоприятствования для нас, а еврейский вопрос все портит».

Здесь даже не так интересно то, что и Брежнев, и Никсон заодно против американского еврейского лобби, сколько то, как советский вождь рассуждает на эту тему. Примерно как те либеральные американские профессора, с оглядкой — не перегнул ли я палку в ту или иную сторону? Словно по минному полю идет. По словам самого Брежнева, «я только рассуждаю на эту тему, держа руки по швам».

Вряд ли дело тут в антисемитизме. Брежнев не был ни убежденным, ни бытовым антисемитом. Дело тут все в том же табу на еврейский вопрос. Даже высшие руководители СССР чувствовали на себе психологическое бремя этого табу. И были абсолютно не подготовлены к обсуждению этого важнейшего и сложнейшего вопроса. Их действия в отношении евреев, которые со стороны выглядят (и во многом справедливо) как государственный антисемитизм, не были агрессивно-целенаправленными. Скорее наоборот, они были бессистемными, имели характер салтыков-щедринского «не пущать».

Таковы лишь некоторые мысли, которые вызвало у меня прочтение этой интереснейшей книги. Солженицын, писатель с мировым именем и репутацией человека бескомпромиссного, сделал первый шаг к диалогу национальных культур, национальных «исторических проектов» — еврейского и российского. Он взялся за разрушение табу на обсуждение «еврейской темы» как важной и многогранной проблемы российской истории, как дореволюционной, так и советской. Писатель свое дело сделал, теперь очередь за профессиональными историками.

В. И. Толстых, президент клуба «Свободное слово», доктор философских наук

Я представлюсь аудитории несколько иначе, чем другие выступавшие до меня. Ближе к теме нашего разговора. Важно не то, что я доктор философских наук и профессор, гораздо

существеннее то, что я родился в Баку, где пятнадцать лет жил рядом и вместе с азербайджанцами и армянами. А затем переехал с родителями в Украину и тринадцать лет прожил в Одессе, о которой так красочно говорил Александр Сергеевич Ципко. Стал одесситом, а это совершенно особая порода людей, независимо от того, какой ты национальности — еврей, украинец или русский. Когда я в тридцать лет оказался в Москве, из меня лет пять близкие и друзья изгоняли «одесский дух», но что-то все равно осталось.

Так получилось, что для меня чисто «биографически» никогда не существовало «еврейского вопроса», я жил с евреями, как говорится, душа в душу, помню почти всех до сих пор. А если этот «вопрос» иногда и возникал, не по моей инициативе, то он был для меня даже не 81-м, как для Льва Толстого, а 96-м. Не понимаю и на дух не принимаю я также проблемы «лица кавказской национальности», которой ныне увлечены многие мои соотечественники. Как типичный советский человек (не «совок»!), я был воспитан в духе «пролетарского интернационализма», уже в молодости усвоив простую истину, что не бывает хороших и плохих народов или этносов, что все они по-своему «хороши», а просто бывают хорошие и плохие люди, соотношение которых в любой нации примерно одинаковое. Тогда я еще не знал блестящего ответа Уинстона Черчилля на вопрос «почему в Англии нет антисемитизма?»: «Наверное, потому, что ни один англичанин не считает себя глупее еврея». В этом смысле я был и остаюсь по сей день, так сказать, русским англичанином. На мой взгляд, русские просто не знают, какой они умный и талантливый народ, а евреи про себя это знают, чему у них и стоит поучиться.

Тема, которой посвятил свою книгу Александр Исаевич, безусловно, очень деликатная. Не потому, что она еврейская, а потому, что национальная, затрагивает легкоранимые и тонкие чувства. А то, что она еврейская, делает ее еще более чувствительной. Ведь речь идет о народе, испытавшем трагедию нацистского геноцида, давно живущем в атмосфере морального и психологического недоверия. Поэтому я решительно осуждаю антисемитизм, как, впрочем, и любой другой национализм — русский, еврейский, украинский, латышский и т. д. И тем, кто любит поиграть или поспекулировать на теме антисемитизма, отождествляя его с «русским фашизмом», хочу напомнить, что нацизм был одновременно и антиславянизмом, и русских погубило от рук фашистов не меньше, чем евреев.

Давно уже пора разобраться, что к чему. Хотя по данной теме существует большая литература, она, увы, остается «кулуарной» по способу своего осмысления и обсуждения. Я не припомню случая, когда бы она стала предметом открытого и откровенного научного диалога, аргументированного сопоставления разных подходов и позиций. В ней накопилась масса недомолвок и предрассудков, которые книга Солженицына, прочитанная мною достаточно внимательно, хорошо вскрывает и представляет, как говорится, на суд людской. Не для того, чтобы кого-то осудить или оправдать, а с единственной целью — понять, откуда и почему они возникают. Вот почему в общечеловеческом контексте и измерении я считаю появление книги Солженицына событием в нашей общественной жизни.

То, что она вызовет неоднозначные чувства и отклики, которые уже появились, можно было предвидеть заранее. Александр Исаевич, конечно же, сознавал, начиная свой труд, что всеобщего одобрения его чистосердечная затея не вызовет. Но такой разговор, с расчетом на «терпеливое взаимопонимание», должен был когда-то состояться. И писатель его начал своим сочинением, не претендуя на бесспорные истины и окончательные суждения. Заявленный им в предисловии принцип «погружаюсь в события, а не в полемику», надо признать, выдержан в книге последовательно и до конца. (Виталию Третьякову показалось, что излишне жестко, с ненужной аскетичностью.) Наверное, потому, что даже столь решительного человека, каким является автор «Гулага» и «Красного колеса», все-таки сдерживали и страх перед «запретной» темой, и сознание того, что она во многом иррациональна и никакими разумными рассуждениями не решается.

Вспоминаю, как в октябре 94-го года я поставил на обсуждение эту тему в клубе «Свободное слово», сформулировав ее предельно прямо и остро: «Существует ли в России еврейский вопрос?» Мои коллеги по клубным беседам говорили мне: «ты с ума сошел!» — а некоторые просто не явились на заседание, не скрывая, что смалодушничали. Мне предрекали скандальный провал, но обсуждение прошло хорошо, бурно и без каких-либо эксцессов. Ведь я — одессит и знаю, как надо делать такого рода вещи. (смех в зале.) Большинство активных участников дискуссии были евреи, именно они и задали тон и ход разговора. Это евреи по национальности, а по своим убеждениям — социалисты, либералы, консерваторы. Интересная деталь. Я пригласил также Танкреда Голенпольского, главного редактора «Еврейской газеты», и мы договорились, что он выступит, если захочет. Несколько раз во время заседания я глазами, мимикой обращался к нему,

но он так и не взял слово. А после объяснил мне: «Понимаете, я внимательно слушал всех. Но здесь не было ни одного еврея. Это все советские люди с еврейскими фамилиями. Они не говорят ни на идише, ни на иврите, не знают своей истории и равнодушны к обычаям. О чем с ними говорить? Не с ними надо обсуждать еврейские вопросы...»

Исходя из вышесказанного, я точно знаю, кому обсуждаемая книга не понравится, кого она будет только раздражать. Она не понравится всем антисемитам, потому что она явно не «антиеврейская». Нет в ней неприятия еврейства как такового, что для антисемита важнее, чем все приведенные в ней факты, документы и аргументы. Не понравится она и всем юдофилам, поскольку она явно не «проеврейская», напротив, критично относится к любым проявлениям самодовольства в восприятии и оценке еврейского самосознания и характера. Не думаю, что автор книги собирался переубедить и тех и других, наивно полагая, что одни одумаются, а другие задумаются, что кто-то покается, а кто-то займется самокритикой.

Книга обращена совсем к другим читателям, которых, бесспорно, подавляющее большинство. К тем, кто, слава Богу, не заражен пагубной идеей своей национальной «исключительности» или «богоизбранности», а такие читатели, вы сами хорошо знаете, есть и среди русских, и среди евреев. Нормальным читателям, я уверен в этом, книга Александра Исаевича покажется и интересной, и полезной. Они ее, пусть и не без усилий, с интересом прочитают, узнав много такого, чего раньше не знали или знали «понаслышке». Незабвенный Владимир Ильич наверняка сказал бы, что книга эта «очень нужная и своевременная». Сужу, конечно, по тому, как воспринял ее я сам, не будучи специалистом по еврейскому вопросу.

Читая ее, вспомнил свое вступительное слово к теме «Нужна ли Россия русским?», которую мы обсуждали на клубе в ноябре 1998 года, пытаясь сообща разобраться в некоторых парадоксах российского сознания и поведения. Лично для меня еврейский вопрос странным образом то и дело оборачивается русским вопросом. В самом деле, если мы существуем не врозь и отдельно, а рядом и вместе, то тогда и вопросы эти надо так и рассматривать, не убегая от самих себя: евреи от своего еврейства, а русские — от своей русскости. Я имею в виду тех русских, которые открыто или скрытно исповедуют антисемитизм, считая, что все беды и неприятности России проистекают от евреев, и тех евреев, которые более всего озабочены проявлениями антисемитизма, делая при этом вид, что они тут вообще ни при чем. Дальше я просто воспроизведу два абзаца своего выступления, которые мог бы повторить и сегодня слово в слово.

Русских я прошу задуматься наконец-то над тем, почему у нас все получается вкривь и вкось, превращается в свою противоположность: если социализм, то «казарменный», если капитализм, то «дикий», варварский. И почему, проголосовав за «политику реформ» и поддержав ее вдохновителей-руководителей (причем большинством голосов и не раз), то есть фактически приняв идею рынка, купли-продажи, власти частных интересов и денег, зная наперед, что евреи приспособлены к такому порядку и устройству жизни лучше, чем они, русские, теперь они винят во всем евреев, а не себя?.. Сами-то вы, русские, чего хотите? На что надеетесь? Кого и что поддерживаете? И так ли уж сильно любите вы свою страну, если позволяете совершать над нею любые эксперименты?

евреев, возмущенных экстремистскими выходками антисемитов и напуганных угрозой «русского фашизма», тоже можно спросить: а вам нравится то, что произошло и происходит в стране в эти последние годы, вас это устраивает — безраздельная власть денег, нарастающее как снежный ком богатство немногих нуворишей и кричащее обнищание абсолютного большинства народа? Кого и что поддерживаете вы в современной России? И почему, столь ревниво отстаивая саму идею и суверенитет еврейского государства, идеологию сионизма, которую, между прочим, тоже обвиняли в шовинизме и расизме, вы никак не можете понять русских, остро переживающих сегодня кризис идентичности и желающих во что бы то ни стало сохранить свою государственность и целостность? Почему тезис влиятельного израильского политика, недавно посетившего Россию: «Главное — быть евреем» — вас не смущает и не возмущает, а понятие «русский патриот» превращено в обидный ругательный термин, и опасность распада великой державы на сорок-пятьдесят небольших «удельных княжеств» (вы знаете, кого я имею в виду) не вызывает у вас видимой тревоги и беспокойства? Как быть тут русским? Будет или не будет Россия — для них это вопрос исторической судьбы, их будущности.

Мне близки пафос и общая тональность книги, ее внутренняя диалогичность, основательность и гуманность авторского замысла. Она не случайно, а вполне сознательно и очень точно озаглавлена — «Двести лет вместе». Ни один антисемит и ни один юдофил ее бы так не назвал. Поэтому не надо «наводить тень на плетень», что делают авторы некоторых критических

откликов, цепляясь к списку приведенных источников или к году издания той или иной публикации, уходя от разговора по существу. Подобными уловками и приемами, как бы под «научность», вряд ли удастся принизить исследовательское начало и познавательную ценность книги, проигнорировать ее граждански общительный и объединительный характер. Действительно, если уже два века вместе, то пора бы понять друг друга и научиться жить в согласии, не на словах, а на деле делиться общей радостью и бедой, а значит, и ответственностью за происходящее в стране и со страной.

Я понимаю, звучит риторично и утопично, но иного не дано. Солженицын не лукавит и не провоцирует, когда ставит проблему, не скрывая того, что не знает способа ее разрешения. Он искренне хочет, чтобы она была решена, но, по-видимому, существуют такие проблемы, которые вообще никогда до конца не разрешаются. Это не значит, что ими не надо заниматься, тратить на них силы и время. Эта книга — приглашение к размышлению именно над такого рода проблемой.

Разум народов (Гегель мудро советовал не отождествлять его с хитростью, «умом животных»), помимо всего прочего, проявляется в том, как они умеют решать самые сложные вопросы своего сосуществования, поскольку они исторически, а не по чьей-то злой воле оказались соседями или соотечественниками. Евреи, конечно, умный народ, но, судя по всему, не настолько, чтобы осознать, что, например, палестинцы, филистимляне (те же евреи, только арабские) никогда не согласятся на несправедливые и унижительные условия примирения. И русским предстоит набраться ума, чтобы решить проблему с Чечней, которая возникла по обоюдному недомыслию русских и чеченцев, чем тут же воспользовались дельцы и проходимцы нашего русского Севера и Юга. Это чисто политическая акция и проблема, и здесь ни при чем ни демография, ни различие менталитетов русских и чеченцев и все прочее, что охотно наслаивается и нагромождается поверх в общем-то достаточно прозрачного конфликта.

В книге-диалоге Солженицына прослеживаются разные пласты взаимоотношений русских и евреев — властный, официальный, и подспудный, обыденный, тоже неоднозначный в своих проявлениях. На фактах, событиях, цифрах и поведении отдельных организаций и лиц автор показывает, как менялись ситуация и характер взаимоотношений двух наций и культур, какие факторы и тенденции их обуславливали и определяли. Обозначен, по сути, весь клубок накопившихся вопросов и противоречий, который одним махом развязать не удастся. Писатель подошел, пожалуй, к самому важному и трудному пункту истории этих отношений — к эпохе революционных потрясений, начатых Февралем и Октябрем 17-го года, чему посвящается еще не вышедшая в свет вторая часть (книга) его исследования. Так что делать окончательные выводы и оценки еще рано.

Заканчивая свое выступление, хочу поделиться одним своим недоумением. Мы — странные люди и странная страна: всегда готовы возвести на пьедестал любого «харизматичного» субъекта, часто независимо от его действительных человеческих качеств и заслуг, и в то же время не знаем «пророков в своем отечестве». Я имею в виду людей, которые обладали бы для нас моральным авторитетом. Скажем, того же Александра Исаевича Солженицына. Казалось бы, человек, сделавший так много, чтобы обрушить прежний строй и заменить его нынешним, все, кому это жизнеустройство нравится, должны смотреть на него как на бога. Не тут-то было. С того самого момента, как Солженицын начал свое «путешествие-возвращение» из Владивостока в Москву и высказал целый ряд критических оценок по поводу увиденного, он оказался в «публичном одиночестве», невостребованным широкой (демократической!) общественностью. То же самое произошло и с Александром Зиновьевым, автором «Зияющих высот» и «кризиса коммунизма», как только он выразил с предельной откровенностью свое отрицательное отношение к тому, что происходит в современной России. Лично я убежден в том, что и Андрей Сахаров, будь он жив, с его независимым от конъюнктуры образом мышления и нравом, вряд ли бы пришелся сегодня «ко двору» нынешним демократам-либералам. А в нормальном обществе и для нормальных людей моральный авторитет, поскольку однажды завоевана эта почетная «номинация», остается авторитетом и тогда, когда ты с ним в чем-то не согласен.

Это я к тому, что не надо навешивать на Солженицына ярлык «антисемита» только за то, что он нашел силы и время поставить на обсуждение тему и проблему, которые, увы, продолжают бередить общественное мнение и сознание. Лично я прошу Наталью Дмитриевну передать Александру Исаевичу мою искреннюю благодарность за его труд, который, уверен, получит общественное признание.

А. С. Панарин, доктор философских наук

Уважаемые коллеги, я думаю, что Александр Исаевич, представив нам эту книгу, оказался верен себе и своему историческому призванию. А призвание его — поведать людям о самых страшных тайнах века и даже более того — о страшных тайнах эпохи модерна. И по крайней мере о двух тайнах он нам уже поведал.

В свое время была табуирована тема тоталитаризма. Кем табуирована? Не только сыскными ведомствами тоталитарного режима и его вездесущей цензурой. В мире есть еще одна цензура, более страшная для интеллигентного сознания, — цензура «передовых учений» и передового общественного мнения. Она обладает своими методами подавления и репрессии, используемыми против несогласных и не следующих очередной моде века.

Когда в европейской культуре воплощением всего передового была социалистическая идея, большевистская Россия имела громадный символический капитал, связанный с авансами левой общественности, задающей тон и правила приличия. В этих условиях критиковать тоталитаризм означало нарушать табу, наложенное левым клиром и его адептами во всем мире. Самые бесстрашные интеллектуалы того времени не осмеливались его нарушить. Л. Фейхтвангер, посетивший СССР в печально известном 1937 году, написал апологетический репортаж в несколько сот страниц. Илья Эренбург впоследствии сетовал на легковерие писателя. Но дело было не в легковерии, а в «партийном подходе», которому большинство интеллектуалов беспрекословно следовало.

Сегодня тон передовому общественному мнению задает новая авангардная партия — либеральная. И у нее есть свои запретные темы, которые под страхом отлучения никто не смеет поднимать. Я думаю, если бы время от времени в культуре не появлялись люди, способные на мужественный прорыв к реальности через все препоны и табу очередного авангарда, действительность окончательно скрылась бы от нас.

Но такие люди, к счастью, появляются. Александр Исаевич Солженицын уже дважды нарушил самые страшные табу XX века. Первый раз это касалось тоталитаризма как порождения самой передовой идеологии того времени. Второй раз — сегодня. Еврейский вопрос сейчас не менее табуирован либеральной идеологией, чем постыдные тайны социализма — социалистической идеологией. И снова оказывается, что, кроме Александра Исаевича, его некому поднять. Александр Исаевич — не профессиональный дуэлянт, бравирующий в ситуациях риска. Наверное, он ждал, что найдет кто-нибудь, кто приподнимет завесу над тем, что всеми трусливо скрывается. И только когда он убедился в том, что никто, кроме него, на это не осмелится, он снова взял слово. И снова оказался единственным, нарушающим постыдное молчание века.

Почему же еврейская тема табуирована? Один из ответов состоит в том, что демократическая современность не пользуется расовыми и этническими критериями, ее язык этнически нейтрален. Можно критиковать те или иные государственные порядки, режимы, партии, но не принято критиковать народы. С одной стороны, в этом проявляется великая традиция христианской сострадательности, ибо народы являются великими страдальцами земной истории. С другой — этого требует демократический принцип политического суверенитета народа: избиратель, как и потребитель, всегда прав.

Этот запрет на критику народа был в последнее время нарушен нашей либеральной теорией и публицистикой. Я имею в виду либеральные дебаты по поводу истоков коммунистического тоталитаризма. Тема тоталитаризма, поначалу этнически нейтральная, сегодня интерпретируется не столько в собственно политическом, сколько в этнологическом духе. У тоталитаризма появились расовые признаки: он теперь все чаще связывается с особенностями русского народа, с его менталитетом и традицией. Словом, либеральная критика тоталитаризма все чаще обретает черты расистской критики. И тон здесь все откровеннее задают еврейские публицисты. Ими ведется пристрастное расовое расследование «русского дела» в истории, русской традиции и даже русской литературной классики как причастных к делу и привлекаемых к ответственности на антитоталитарном процессе.

Правда, вопрос о ментальных, культурных и расовых корнях и подоплеках экономических и политических явлений, которые просвещенческая традиция обязывала рассматривать как этнически нейтральные, поднят не сегодня. Возможно, что прецедент создал М. Вебер, указавший на протестантские корни капитализма. Его оппонент Г. Зиммель отметил еврейские корни капитализма. Модную ныне тему монетаризма Г. Зиммель раскрывает как еврейскую тему. Он указал на то, что обладание деньгами для некоторых инородческих групп — средство самоутверждения и социального реванша. Лишенные естественного признания и искомых социальных возможностей, они покупают их за деньги. «Деньги — родина безродных» — этот

тезис Г. Зиммеля, возможно, и в самом деле объясняет нам многие реальности современной глобальной экономики и роль еврейских олигархов в ее становлении.

Сегодня наблюдается не только разительная социальная поляризация в обществе, но и поляризация в культуре. В ней появляются определенные «господские» темы и «господские» мнения, которые запрещено оспаривать, и темы «репрессированные», «подавляемые», которые запрещено поднимать.

Вопрос о «русских корнях» тоталитаризма, о «русской вине» — господская тема, и тех, кто с ней «работает», ожидают материальные и моральные дивиденды, одобрение сильных мира сего. А вот вопрос о роли евреев в большевистской революции, в красном терроре и геноциде относится к числу репрессированных тем, всякое упоминание о которых немедленно наказывается остракизмом.

Александр Исаевич давно заявил о себе в качестве человека, принадлежащего не к господской культуре, а к культуре гонимых. И там, где трусливый конформизм отмалчивается или поддакивает господствующим стереотипам, автор «Архипелага Гулага» и «Красного колеса» не молчит и не поддакивает. Есть и среди вполне интеллигентных людей мнение, что еврейский вопрос в таком невыгодном для еврейской репутации контексте не стоит поднимать. Я думаю, это было бы справедливо, если бы современное общественное мнение в целом держалось принципа этнической нейтральности. Но в вопросе об истоках тоталитаризма этот принцип был нарушен самими евреями. Уже коль скоро этнический контекст затронут, его нельзя оставлять в монопольном ведении одной стороны. Есть такая закономерность: когда у того или иного общественного субъекта появляется монополия на дискурс, на публичность, когда он выступает в условиях отсутствия «сдержек и противовесов», его поведение резко ухудшается. Сегодня, когда господствующие позиции заняла еврейская публицистика, ее поведение ухудшается прямо на глазах. Допускается все больше оскорбительных выпадов в адрес России, русской культуры и русского народа, которому хотят отвести роль какого-то мирового изгоя и воплощения исторической патологии.

Благодаря книге Александра Исаевича еврейский монолог, кажется, прекращается и возникает ситуация диалога, всегда более благоприятствующая и поискам истины, и взаимной корректности. Если каждый еврейский публицист, берущий на себя риск писать о теневых сторонах русского менталитета и традиции, будет отдавать себе отчет в том, что он пребывает в ситуации диалога, а не монолога, я думаю, он постарается быть более взвешенным в своих выводах.

Второй прорыв в общественном мнении, вторая проблема книги «Двести лет вместе» касается того, а насколько мы сегодня вместе. В эпоху так называемой глобализации учащаются случаи, когда та или иная общественная группа порывает с национальной государственной общностью, выходит из системы сложившегося гражданского консенсуса и переориентируется на те или иные внешние силы. Книга Александра Исаевича подводит нас к вопросу: пребывает ли еврейское организованное меньшинство в состоянии гражданского консенсуса с российским большинством, или оно более или менее явно вышло из него, дистанцировавшись от «этого народа»?

Что собой представляет еврейская критика России? Это критика демократически-гражданская, выражающая позиции людей, озабоченных состоянием нашего общего дома и стремящихся вместе с нами его обустроить, или это критика «иронически» отстраненная, критика «уже со стороны», компрадорская и неокOLONиальная? — вот роковой вопрос.

Отныне, после выхода в свет книги А. И. Солженицына, все сталкивающиеся с еврейской критикой наших туземных порядков и традиций будут спрашивать: это имманентная, гражданская критика или критика новых глобалистов, поставивших себя по ту сторону «этой страны и этого народа»?

И третий момент, который я хотел бы отметить. Сегодня тема «коммунистического тоталитаризма», столь популярная в современных либеральных кругах, утратила былой тираноборческий, оппозиционный смысл. Сегодня она скорее свидетельство благополучной либеральной благонамеренности, чем рискованной неблагонадежности. Словом, эта тема поощряемых и вознаграждаемых, а не преследуемых, тема поддакивающих, а не несогласных и рискующих.

И как раз те, кто сегодня верноподданнически тиражирует либеральные штампы, касающиеся коммунистического тоталитаризма, обнаруживают подозрительную подслеповатость в отношении симптомов нового тоталитаризма, уже вползающего в Россию. Речь идет о

тоталитаризме новой экономической власти. Со времен зарождения цивилизации действует принцип разделения экономической, политической и духовной власти. Нарушение этого принципа неизменно ведет к тоталитаризму.

Коммунизм был воплощением абсолютной политической власти, подмявшей под себя и экономическую, и духовную власть. Сегодня, под покровом нового великого учения — либерального — формируется новая тоталитарная власть — экономическая, освободившаяся от сдержек и противовесов в лице политической власти социального государства и духовной власти интеллектуалов, прежде неизменно выступавших против власти денежного мешка.

Теперь социальное государство демонтировано, а критически настроенные интеллектуалы деморализованы или подкуплены. В результате экономическая власть становится тоталитарной. Это она, избавившись от сдержек и противовесов, изгнала с наших предприятий женские, молодежные и профсоюзные организации, отбросив рабочий люд по меньшей мере на 150 лет назад. Это она навязала 60-часовую рабочую неделю вместо привычной 41-часовой, тем самым отлучив трудящееся большинство от благ досуга и культуры.

Всякая тоталитарная власть нуждается в тоталитарной идеологии. И сегодня такая идеология появилась к услугам новой экономической власти. Этой идеологией является социал-дарвинизм, навязывающий обществу звериные законы естественного отбора и провозгласивший торжество сильных и приспособленных над слабыми и неприспособленными.

Как стоит вопрос об отношении евреев к этой новой тоталитарной власти?

Надо сказать, что здесь в еврейском сознании недавно произошел переворот, свидетельствующий о разрыве с тысячелетней традицией. Я, в частности, написал об этом в своей книге «Искушение глобализмом». Народ, испытавший тяготы безжалостного земного владычества, тяготы вавилонского, египетского, римского и иных пленений, выработал особую мораль и особый пророческий темперамент. Речь идет о защите слабых перед лицом сильных, угнетенных — перед лицом угнетателей. В этом была моральная сила еврейства и источник его идейного влияния в мире.

И вот сегодня мы неожиданно наблюдаем деформацию еврейского менталитета. Отныне все чаще евреи выступают как носители либерального социал-дарвинизма, запрещающего вмешательство в механизмы рыночного «естественного отбора» со стороны любых политических и моральных инстанций. При этом их даже не смущает скандальное сходство нынешнего социал-дарвинизма с расовым мифом фашизма.

Это пособничество новому тоталитаризму и социал-дарвинизму со стороны евреев, их тоталитарный «экономикоцентризм» лишает еврейскую культуру великого и загадочного парадокса. Парадокс этот состоял в том, что, с одной стороны, евреи всегда были воплощением торгашеского и ростовщического духа — этому мы имеем массу свидетельств в мировой литературе, а с другой — они же выступали в роли героических трибунов — тираноборцев, пламенных революционеров, непримиримых критиков эксплуатации и неравенства. И вот этот великий парадокс на наших глазах исчезает. Еврейское сознание становится одномерно «экономикоцентристским», еврейская позиция — «господской», выражающей презрение к слабым.

Книга Александра Исаевича мне лично помогла понять и истоки указанного великого парадокса, и причины его нынешнего исчезновения. Интригующая книга! Удивительная судьба Александра Исаевича поставила его в прямое и непосредственное столкновение с двумя формами тоталитаризма, сменяющимися друг друга в XX веке. О столкновении его с первым, коммунистическим тоталитаризмом, мир хорошо знает. Перипетии столкновения Солженицына с новым тоталитаризмом, социал-дарвинистского, «рыночного» образца, не менее, чем первый, чреватый тотальным насилием и геноцидом, вероятно, еще впереди.

Одна ипостась еврейского духа, тираноборчески протестная, максималистская, несомненно, заявила о себе при зарождении коммунистического тоталитаризма, и Александр Исаевич в свое время не умолчал об этом. Вторая ипостась этого духа, связанная со стяжательством и ростовщическо-спекулятивными играми монетаризма, несомненно, заявляет о себе сегодня, в период становления тоталитарной экономической власти, мечтающей к тому же стать глобальной и применить принципы естественного отбора к целым народам.

Разумеется, еврейская составляющая вскрывает лишь один из подтекстов нового глобального порядка. Но подтекст эзотерический, ускользающий от публичной критики. Среди современных подпольных тем, относящихся к народному сопротивлению новому, экономическому тоталитаризму, находится и еврейская тема ростовщической традиции,

пожелавшей сегодня легализоваться и даже стать господствующей. Об этой традиции много сказано в книге Александра Исаевича.

Сегодня усилия еврейской находчивости и остроумия направлены на то, чтобы реабилитировать те теневые экономические практики, которые всеми народами традиционно оценивались как предосудительные, а ныне прямо указывают на тенденцию перехода от продуктивного капитализма «веберовского» типа к паразитарному, спекулятивно-ростовщическому капитализму.

Сам прогресс современная либерально-глобалистская идеология интерпретирует удивительным образом. Утверждается парадоксальное совпадение «типично еврейских черт», сформированных в условиях диаспоры, с характеристиками самого глобального прогресса. Еврейская диаспора недолголюбивает твердую государственность — и прогресс ее осуждает как нечто архаическое; еврейские эксперименты в различных областях венчурной деятельности бросают вызов общепризнанной морали — и прогресс осуждает «традиционное морализаторство»; еврейский капитал «не имеет отечества» — и прогресс, обретший глобалистские черты, исключает былую привязку экономических и культурных инициатив к национальным интересам и границам. Словом, прогресс прямо-таки юдофильствует, одновременно обретая черты русофобии. По мере того как прогресс обретает «еврейскую идентичность», он становится все более нетерпимым к национальным особенностям всех остальных народов, в особенности относящихся к незападному периферийному большинству человечества.

«Все, что хорошо для евреев, хорошо и для прогресса» — эта формула, слишком напоминающая старые претензии избранного народа, должна быть реинтерпретирована в универсалистском духе. Пространство прогресса, внезапно ставшее сегрегаторским, предназначенным для господских кругов современного мира, должно быть заново демократизировано, открыто для всех народов без исключения. И здесь Александру Исаевичу — тираноборцу со стажем — принадлежит особая роль. Он не терпит прогресса, основанного на привилегиях и идеях избранничества. В тех эзотерических кругах, где такие идеи вынашиваются, его книга наверняка вызовет тревогу. Но мы должны радоваться появлению этой книги. Она нарушает один из господских заговоров молчания, направленных против изгойского народного большинства.

В заключение хочу высказать свою догадку относительно некоторых практических выводов автора. Мне кажется, Александр Исаевич солидарен с сионистами в одном вопросе: по поводу всемирной эмиграции евреев на Сион. Если я верно интерпретирую позицию автора, то она заключается в том, чтобы славянству и еврейству разойтись в стороны и зажить своими домами, в собственных национальных квартирах. Иными словами, Александр Исаевич считает наиболее благополучным национальный путь в истории. Имперский и мессианский путь, путь грандиозных суперэтнических синтезов и мессианских проектов представляется ему тупиково-трагическим.

Я лично думаю, что ни русские, ни евреи не смогут удовлетвориться национальным типом истории. В частности, евреи — народ всемирно-исторический. Не в том банальном смысле, что следы еврейской диаспоры мы находим всюду в мире, а в том, что еврейский темперамент является мессианским. Мы, русские, в этом отношении сходимся с евреями. Нам тоже тесно в национальной истории; мы взыскуем вселенской правды и вселенской судьбы. Те либералы, которые выводили Россию из состава СССР, чтобы очистить ее от «восточных» примесей, ничего не смыслили в характере, судьбе и призвании России. Либеральная интуиция слишком слаба и обременена конъюнктурной прагматикой, для того чтобы подняться до уровня истинно исторических прозрений. И хотя евреи сегодня сознательно тяготеют к этому типу интуиции, она вряд ли укажет им путь в будущее.

Еврейскому темпераменту, как и русскому, тесно в национальных границах. В этом смысле настоящей идентификации мирового еврейства с судьбами государства Израиль никогда не произойдет. Мне сейчас в зале один коллега сказал: «Для просвещенного еврея уехать из России в Израиль — все равно что покинуть Санкт-Петербург ради Бердичева». Я думаю, это меткое сравнение.

Но если это в самом деле так, если нам не суждено благополучно разойтись по национальным домам, то давайте сделаем из этого надлежащие выводы. Если нам суждено пребывать в едином историческом пространстве, то давайте сделаем его поместительным и удобным для всех. Попытка «приватизировать» современность, приспособив ее только к своим нуждам, в обход законных прав других народов — самоубийственная затея.

По большому счету совместный исторический проект вытекает уже из определенной преемственности иудео-христианской традиции. Сегодня в некоторых еврейских кругах задумано расторгнуть этот синтез, связав современность с одной только иудейской традицией, отлучив христианскую (в особенности восточно-христианскую). Это опасный проект, грозящий дестабилизацией мира. Давайте совместно поработаем над реинтерпретацией наших традиций — чтобы они больше подходили для диалога и консенсуса. Либо наша история будет единой, открывающей перспективу для всех, а не только для избранных, либо она трагически пресечется в самый неожиданный для сегодняшних «победителей» момент.